

Марьяна СКУРАТОВСКАЯ
Нина СОРОТОКИНА
Елена ПРОКОФЬЕВА

ОКНО
ИСТОРИИ

Принцессы Романовы: царские племянницы

От автора сценария многосерийного
фильма «Гардемарины, вперёд!»

Окно в историю

Нина Соротокина

**Принцессы Романовы:
царские племянницы**

«БХВ-Петербург»

2016

УДК 94(470)+929
ББК 63.3(2)

Соротокина Н. М.

Принцессы Романовы: царские племянницы /
Н. М. Соротокина — «БХВ-Петербург», 2016 — (Окно в историю)

Книга повествует о судьбах 13 племянниц русских царей в период с начала XVIII века до середины XX-го. На протяжении двух столетий брак с племянницей русского царя означал для принца и герцога из маленькой европейской страны возможность породниться с одной из могущественнейших и богатейших держав, получить за невестой роскошное приданое, с помощью которого можно было подправить как семейный, так и государственный бюджет. Судьбы одних «юных жертв высокого происхождения» складывались предсказуемо печально, но есть истории, похожие на захватывающий роман, и — просто счастливые. Для широкого круга читателей

УДК 94(470)+929
ББК 63.3(2)

© Соротокина Н. М., 2016
© БХВ-Петербург, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Из гнезда Петрова	7
Великая княжна Анна Иоанновна	17
Великая княжна Екатерина Иоанновна	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

М. В. Скуратовская, Н. М. Соротокина, Е. В. Прокофьева Принцессы Романовы: царские племянницы

© Скуратовская М. В., Соротокина Н. М., Прокофьева Е. В., 2016

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2016

*Авторы выражают огромную признательность
Дарье Корольковой – без ее помощи и поддержки эта книга могла
бы и не состояться,
а также благодарят Наталью Харсу и Софью Пономареву за
содействие в сборе иллюстративного материала.*

Вступление

Имена царских дочерей знают многие, особенно из числа людей, интересующихся историей России. Имена племянниц остаются в памяти гораздо реже – при том, что эти девушки точно так же выступали ценнейшим товаром на политических торгах. Чуть менее дорогим, чем дочери, но все же! Заполучить в жены племянницу российского императора – означало породниться с одной из могущественнейших и богатейших держав, получить за невестой роскошное приданое, с помощью которого можно было подправить как семейный, так и государственный бюджет, к тому же почти все русские царевны и великие княжны были недурны собой, и уж по крайней мере красивее и здоровее европейских принцесс, зачастую обязанных близкородственным бракам как внешними, так и физическими изъянами. И конечно, никто не думал об их чувствах, так же как и о чувствах царских дочерей... Но вряд ли общность судеб тех и других могла служить утешением для царских племянниц, юных девушек, лишенных права на любовь. Безупречное исполнение долга должно было стать смыслом их жизни. Счастливы были те, кто находил утешение в этом служении. Иным удавалось отогреть сердце возле колыбели. И лишь единицы решались нарушить закон и любить по собственному выбору.

Судьбы племянниц российских императоров интересны еще и потому, что именно на царских племянницах впервые «поставили эксперимент» по выдаче русских царевен замуж за иноземных принцев: первой, в 1710 году, была выдана Анна Иоанновна за Фридриха Вильгельма Курляндского, затем, в 1716 году, Екатерина Иоанновна – за Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, и лишь в 1724 году Петр Великий выдал свою дочь Анну за Карла Фридриха Голштейн-Готторпского. Племянницы были – первыми.

И они же явились последними... Последними выжившими Романовыми. Четыре дочери царя Николая II погибли вместе с родителями в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, но многие племянницы уцелели, уехали, и началась их иная жизнь: жизнь вне России.

Мы позволили себе включить в наше повествование рассказ о судьбе дочерей Кирилла Владимировича, самопровозглашенного Императора Всероссийского, ибо эти княжны также были рождены под сенью двуглавого орла, но о жизненном пути Марии и Киры современному читателю известно крайне мало. А ведь их биографии заслуживают самого пристального внимания. Уникальны, ни с чем не сравнимы, похожи на захватывающий роман судьбы принцесс-изгнанниц Марии Павловны, Елены Владимировны. О них наша книга.

Глава 1. Из гнезда Петрова

Их было пять – русских принцесс, юных девушек, с помощью которых великий царь Петр I «ничтоже сумняшеся» решал свои политические дела, выдавая их замуж за европейских принцев. Правда, выдал только четверых, пятую не успел... Пятая взошла на трон под именем императрицы Елизаветы I. Впрочем, императрицей стала и ее двоюродная сестра Анна Иоанновна – выданная замуж на редкость неудачно.

Судьба причудливо тасует свои карты! По русской традиции дочерей царя Ивана называют Ивановнами, а по придворному, церковно-торжественному – Иоанновнами, дочерей царя Петра Великого – Петровнами. У Ивана дочерей трое: Екатерина Иоанновна – будущая герцогиня Мекленбургская; Анна Иоанновна – будущая герцогиня Курляндская, а затем императрица Российская, а еще есть Прасковья Иоанновна, судьба которой всегда оставалась в тени судеб ее сестер. И у Петра – двое: Елизавета Петровна, будущая императрица, и Анна Петровна, которая проживет короткую и трагическую жизнь, станет объектом множества интриг, выйдет замуж за герцога Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и родит будущего царя с не менее трагической судьбой...

Первыми оставили родину Ивановны.

* * *

Начнем издали, то есть с азбучной информации. Некоторые читатели и без меня все помнят, другие знали, но забыли. Словом, не мешает поновить школьные знания.

Царь Федор Алексеевич скончался в 1682 году двадцати лет отроду бездетным. После его смерти осталось два брата, два претендента на престол: шестнадцатилетний Иван (сын царя Алексея от Милославской) и десятилетний Петр (от Натальи Нарышкиной). Неизбежно образовались две партии, два противоборствующих клана: Милославских (во главе с царевной Софьей) и Нарышкиных.

По старшинству трон принадлежал Ивану, но тот был слаб здоровьем, косноязычен, страдал цингой и главное – «скорбен головой», как говорили в то время.

Партия Нарышкиных предложила патриарху Иоакиму обратиться к народу с Красного крыльца в Кремле: кому быть царем – Петру или Ивану?

Народ прокричал Петра.

Но Милославские не желали сдаваться. В Москве вспыхнул страшный Стрелецкий бунт, в результате которого на трон посадили обоих малолетних братьев при регентстве (до того как отроки «войдут в срок») великой княжны Софьи Алексеевны.

Заняв трон, Софья решила немедленно женить расслабленного и немощного духом Ивана. Пишут, что этот умный совет дал правительнице ее фаворит Василий Голицын. Он размышлял так: «Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает».

Иван и не думал о женитьбе, но с правительницей не поспоришь. Собрали ярмарку невест. По обычаю того времени свезли к Кремлю боярышень из самых лучших семей. Легенда гласит, что Иван сам выбрал невесту. Поднял руками свои отечные непослушные веки и углядел статную, круглолицую, с ямочками на щеках красавицу – Прасковью Федоровну Салтыкову. Ей он и отдал платок со свадебный перстень. Свадьба состоялась в 1684 году. Невесте было двадцать, жених был на два года моложе.

Венчал сам патриарх Иоаким с ключарем и тремя диаконами. Он же читал напутствие молодым: «У мужа быть в послушании, друг за друга не гневайтесь, покорно выноси гнев супруга. Если он за какую-нибудь вину поучит тебя слегка жезлом, так он глава в доме...» – и так далее, и тому подобное. Салтыковы принадлежали к знатнейшей и древнейшей фамилии государства, их предки играли важные роли в делах военных и гражданских, занимая высокие посты. Теперь одна из Салтыковых вышла в царицы. Родня Прасковьи Федоровны ликовала.

После свадьбы молодые поселились в Кремле, в теремах, выстроенных уже при царевне Софье. По обычаю царь и царица занимали разные покои. «...А когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и грех», – так свидетельствует Г. К. Котошихин, описывая русские нравы и обычаи XVII века.

Какова главная задача царицы? Родить наследника. Но год шел за годом, а детей не было. И все-таки свершилось! Как ни скудно было здоровье царя Ивана, Прасковья в конце 1688 года «очреватела».

Нарышкины всполошились: они тоже хотели иметь наследника. Наталья Кирилловна решила женить сына Петра и сама выбрала ему невесту. В январе 1689 года семнадцатилетнего Петра обвенчали с Авдотьей Федоровной Лопухиной.

В марте того же года Прасковья Федоровна родила девочку. У Нарышкиных отлегло – не мальчик! Девочку окрестили в Чудовом монастыре и нарекли Марией. Потом уже царица рожала с завидной регулярностью. Пять детей – и все дочери: Мария, Феодосия, Екатерина, Анна и Прасковья. Углядели в этом списке нашу героиню – будущую герцогиню Мекленбургскую? Да, она третья в списке.

Первые две дочери были «неживучи». Мария прожила десять месяцев и умерла в феврале 1690 года. Здесь уже и новая дочка подросла. Федосья родилась в июне этого же года, но прожила одиннадцать месяцев и умерла. Три последующие девочки избежали участи сестер. Княжна Екатерина Ивановна родилась 29 октября 1692 года. Батюшка царицы – боярин Федор Петрович Салтыков – сам поехал сообщить патриарху радостную весть. Дальше литургия, подарки, приехал из Преображенского Петр, и оба государя пели многолетие и знаменовались.

У Петра же родился сын, Алексей.

* * *

Княжна Анна Ивановна родилась 28 января 1693 года, княжна Прасковья родилась в следующем году 24 сентября. Люди во все времена были злоязычны, а уж при дворе, при неусыпном любопытстве к подробностям личной жизни членов царской семьи, приближенные часто выдавали желаемое за действительное. Так, возникла устойчивая сплетня, что-де первых девочек, умерших малютками, царица родила от законного супруга, а последних троих, крепеньких и ладных, от своего стольника, друга и советчика Василия Юшкова. Проверить эту «догадку» невозможно. Как говорится, и тогда свечку никто не держал, так что нам, потомкам, вроде не пристало обличать сей вымысел в слова. Но наше время охочо до тайн, до прижатого к замочной скважине глазу. Современная литература обожает рыться в чужом грязном белье, чесать зубы и перемывать косточки. В угоду современному вкусу мы и вспомнили старую сплетню. Куда же без нее...

Чтобы объяснить характер и привычки дочерей, необходимо рассказать о повседневной жизни их родителей. В 1689 году Петр отрешил Софью от дел и занял трон. Формально брат Иван продолжал быть его соправителем, но, понятное дело, никакого участия в государ-

ственных делах не принимал. Задачей его было только носить царское облачение и в нужные дни являться перед глазами послов или народа на церковных праздниках. Тем не менее, во всех государственных бумагах упоминалось его имя с полным титулом. Петр вполне тепло и сочувственно относился к старшему брату.

Царица Прасковья жила своим двором. Все в нем подчинялось определенному ритуалу. При ней состоял огромный штат – чин. Мужской чин занимался ведением хозяйства дворца: стольники, клюшники, подъячие, стряпчие, также дворцовые служители: конюхи, истопники и так далее – многие сотни людей. Женский чин, еще более обширный, занимался бельем и одеждой. Слобода посылала полотна, скатерти, утиральники, сорочки, все это надо было учесть, пересчитать, а после стирки внимательно проверить, нет ли «плохих дыр» или непонятных отметок – боялись сглазу. В подчинении царицы находились и обширные мастерские, где шили и вышивали. Вышивки были простые, обиходные, и драгоценные для церквей и монастырей.

Конечно, много времени отдавалось детям, но главной заботой царицы была молитва и отношения с церковью. Прасковья Федоровна дружила с монахами, переписывалась со многими монастырями. Все ждали от царицы благодеяний и милостыни. Не счесть было богомолий, и каждая поездка кончалась щедрыми пожертвованиями. Царская семья также платила огромные деньги на поминание покойных родственников, при этом кормление духовных лиц тоже входило в их прямые обязанности.

Кроме того, надо было помогать челобитчикам, еще сирым, убогим и юродивым. Приведем большую цитату из работы М. Семевского – лучше, чем он, все равно не расскажешь. Вот как он характеризует быт царицы Прасковьи: «Во дворце жило много девочек сирот, которые принимались по просьбе верховных боярынь или по желанию самой царицы. К концу XVII века и на женской половине дворца появились свои верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетьях у царицы Прасковьи Федоровны и у царевен подле их хором, и, по-видимому, исполняли должности сказочниц. Между ними были юродивые, помешанные и калеки всякого рода: немые, слепые, безрукие, безногие. Верховные богомолицы ходили в смиренных (темных) платьях, как бы в противоположность пестрой одежде шутов и шутих. Карлам и карлицам, разряженным в платье ярких цветов, в красных, желтых самолгах и ермолках».

Веселая была жизнь, ничего не скажешь. Еще во дворце было много птиц, имелся даже кое-какой зверинец, и место для игр и качелей было учтено, и забавы на масленицу устраивались полноценные.

Конечно, царица принимала участие в дворцовых праздниках, но за торжественным приемом послов она наблюдала из-за решетки. В Грановитой палате давно уже был устроен специальный тайник с окном. Сиди на лавочке, наблюдай, но чтоб тебя саму не видели. И театр уже был, но царственных женщин тоже прятали от людских глаз. Якоб Рейтенфельс, курляндский дворянин, живший в Москве в 1670–1673 годах, пишет: «Во время представления царь сидел перед сценою на скамейке, а для цариц с детьми было устроено род ложи, из которой они смотрели из-за решетки, или правильнее сказать, сквозь щели досок». Правда, за двадцать лет после отъезда курляндца многое в Москве могло измениться. Сквозняк из Европы в Московию через прорубленное окно еще до Петра Великого устроил его батюшка, царь Алексей Михайлович. Петр прорубил ворота – как на земле, так и на суше.

Отношение Петра к царице Прасковье мы уверенно можем назвать хорошим. Когда у Чудовом монастыре крестили Марию (первую дочь), умная мать позвала в восприемники восемнадцатилетнего Петра и тетку его Татьяну Михайловну. Прасковья Федоровна была уверена, что звезда правительницы Софьи закатилась и больше не взойдет.

Но дни царя Ивана были сочтены. 1696 год... Праздновали водосвятие. Из Успенского собора после службы царь пошел на Москва-реку, на Иордань. День был на удивление теп-

лый. Шел дождь, и даже молния сверкнула к ужасу окружающих. Это в январе-то! Иван Алексеевич и одежду промочил, и ноги, после чего занемог простудой. Но при этом не оставил свои «служебные» обязанности. 21 января панихида по царице Наталье Кирилловне (матушке Петра) – Иван там был, 26-го – именины его сестры Марии – присутствовал и в церкви, а на пиру, а 29-го внезапно умер. Было ему от роду тридцать лет.

Хоронили Ивана Алексеевича очень торжественно. Тело покойного установили в Архангельском соборе. По обычаю установили «торжественный караул». Десять знатных людей, меняясь каждый день, стояло у гроба. Это продолжалось шесть недель. Потом похоронили рядом с братом – царем Федором. Прасковья Федоровна оплакала супруга, но на этом ее беды не кончились. Через месяц умер отец ее – знатный боярин Федор Салтыков.

* * *

История перевернула страницу. У овдовевшей царицы и трех ее дочерей началась новая жизнь – из кремлевского дворца они переехали в село Измайлово. Царица сама выбрала это местожительство, и царь Петр пошел ей навстречу.

Наш текст в утрированном виде повторяет злоключения героя в нашем любимом романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнение Тристрама Шенди». Герой романа надумал написать что-то вроде автобиографии, но повествование идет во всю, а сам он никак не может родиться. Жизнь вокруг бурлит, стремительно поспешая вперед, а для самого Тристрама все еще не нашлось место. В нашем эссе княжны Екатерина, Анна и Прасковья, слава Богу, родились, но рассказ идет все время не о них. Но поймите нас правильно. Что о них, крошках, писать? Когда умер отец, старшей, Екатерине, было четыре года. О том, как общался царь Иван со своими дочерьми, мы ничего не знаем. Любил их, наверное. Он был болен, немощен, не мог править страной, но человеком был добрым. И что здесь еще скажешь? Поэтому, прежде чем перейти к жизни царевен, к их учению и воспитанию, расскажем прежде об их местожительстве – славном селе Измайлово.

Это ведь только название – село Измайловское, село Коломенское. Но села эти были любимыми резиденциями царя Алексея. Каков был «Измайловский дворец на острове» – мы можем судить по старинным гравюрам, а также по оставшимся хозяйственным документам.

Тридцать семь вырытых прудов, речка Серебрянка, через которую построен четырнадцатипролетный каменный мост, построенный раньше, чем мост через Москва-реку у Боровицких ворот... А вокруг красота: сады, леса и пашни.

Дворец, построенный при царе Алексее, был деревянный, удобный, «необширный», хотя царь, царица и все детки их имели отдельные хоромы. Все помещения, подклети и верхние «жития» соединялись меж собой лестницами и переходами. Дворец был искусно изукрашен, крыльца имели шатровые верхи, «крытые тесом скалою по чешуйчатому обиванию». Одна каменная церковь примыкала к дворцу, другая о пяти главах во имя Покрова Пресвятой Богородицы была крыта гонтом и обнесена каменной оградой. Дворец перестраивался при царе Федоре – около царских хором появились четыре каменные башни.

Внутреннее убранство дворца было скромным. Стены обтянуты красным сукном, полы мощены дубовым кирпичом, вместо стекол в окнах использовалась слюда. Мебель самая простая – столы, лавки и стулья. Зато хороши и ярко расписаны были печи, да еще иконы в красных углах пленяли взор.

Дворцовый чин в Измайлово был более скромным, чем в Кремле, но тоже весьма обширным. Два главных лица вели хозяйство. Роль дворецкого исполнял брат царицы Василий Федорович Салтыков. Он был приставлен к ней еще в 1690 году. Вторым человеком был Василий Алексеевич Юшков, «определенный к комнате Прасковьи Федоровны и детям ее» в 1701 году по именному указу царя Петра. Юшков исполнял обязанности дьяка, то есть вел

все делопроизводство, и был также личным секретарем царицы. В должность свою Юшков вступил вполне богатым человеком, что не мешало Прасковье Федоровне благотворить его деньгами и подарками.

Насколько можно судить по документам, царице Прасковье с дочками в собственность был отдан только дворец, но никак ни сама богатейшая усадьба. А Измайловская усадьба заслуживает отдельных слов. Воистину это было чудо хозяйственной мысли того времени. Историк Забелин называл это хозяйство «земледельческой академией на современный новый европейский лад». Слова эти вполне правомочны: среди хозяйственных построек можно перечислить каменные риги, житный двор, льняной двор с амбарами, скотный двор, конюшенный и сенной дворы, винный завод, пивоварня, медоварня, маслобойня, стекольный завод и прочие. Реки и ручьи были перегорожены плотинами, мельницы исправно мололи зерно.

Историк XIX века М. И. Семеvский пишет: «Даже сделаны были попытки производить некоторые работы с помощью машин. В 1666 году велено, например, сделать три образца: 1) „как молотить колесами и гирями без воды“, 2) „как воду привезть из пруда к виноградному саду“, 3) „как воду выливать из риг гирями и колесы“. На стекольном заводе работали венецианские мастера. Из-за границы были также выписаны садовники. В Измайловском произрастали (невозможно поверить!) финики, миндаль, кизил, персики, шелковица и арбузы. На огородах, кроме овощей, выращивали „врачебные травы“ для Аптекарского приказа. На скотных дворах производили племенной скот.»

Петр любил Измайловское. Когда-то на один из его прудов был спущен его знаменитый ботик. По Измайловской усадьбе водили иностранцев. Обычная русская привычка – вот, мол, полюбуйтеcь: не хуже, чем у вас, а может быть, и лучше. И мы умеем хорошо работать! Иностранцы в меру восхищались, но потом попадали во дворец. Убогих, калек и странников, которыми кишел дом, заблаговременно прятали от чужих глаз, но всех не упрячешь. Вид русского юродства очень пугал гостей, а потому в своих записках о посещении Москoвии они обязательно делали акцент на странном соседстве у русских роскоши и нищенства. Все путалось в немецких и фряжеских головах. Им уже казалось, что и царица забывает умываться и живет на первобытный манер.

Царица Прасковья была очень богатой женщиной. Она имела свои вотчины в Новгородском, Псковском и Копорском уездах и получала с них постоянный доход. И, конечно, имела «царский оклад» – денежное содержание, которое регулярно получала из приказа Большого дворца.

К слову скажем, что ее личное хозяйство велось очень бестолково. Слишком много челяди было во дворце, получаемые из вотчин деньги проходили через разные руки, и часто царицу обкрадывали самым бесовестным образом.

Но всего этого Прасковья Федоровна словно бы и не хотела замечать. Она жила себе в свое удовольствие, ездила на богомолье, часто посещала Кукуй, то бишь Немецкую слободу, принимала гостей, широко справляла праздники и дни рождения.

В этом мире и подрастали маленькие царевны. Конечно, они видели трудовую жизнь усадьбы, в сопровождении мамок и нянек гуляли в саду, вызывали колокольчиком карпов и щук и кормили их с рук. Да, бытовала такая легенда в Измайловском: живут-де в тех прудах щуки с золотыми сережками. Игрушки царевен были великолепны, самые затейливые выписывались из-за границы.

Недалеко от дворца находился зверинец. Это была обнесенная забором роща, где на воле жили лоси, олени, кабаны и самые разнообразные пушные звери. Рядом находился птичий двор, где вместе с привычными птицами жили экзотические павлины. Может, именно этот двор сделал впоследствии царицу Анну Иоанновну заядлой охотницей. Она великолепно стреляла, особенно любила бить птицу влёт.

* * *

Три девочки: Катенька, Анна и Прасковья. Старшая Катюшка – белокожая, сдобная, озорная. Анна – нелюдимка, неизвестно в кого смугла, молчунья, взгляд настороженный, словно не доверяет всем. Мать ее недолго любила, и она знала об этом. Младшенькая Прасковья вечно болеет, то и дело надо звать лекаря и лечить то простуду, то золотуху. А свет-Катюшка знай себе скачет и песни поет. За ее веселый и незлобивый нрав царица ее очень выделяла и сохранила эту нежную привязанность на всю жизнь.

Старшенькой шесть лет, пора учить ее грамоте. Прасковья Федоровна хотела видеть своих дочерей образованными, а потому загодя, Катюшке еще годик был, заказала иеромонаху Кариону Истомину «Букварь славенороссийских письмен со образованиями вещей и со нравоучительными стихами». Отец Карион знал толк в таких вещах. Он уже составлял учебники для царевича Алексея Петровича. Букварь был роскошен, весь расписан золотом и красками. Первой учительницей великой княжны была женщина – «дворцовая мастерица». Букварь читали до тех пор, пока не выучивали наизусть. Овладела Катюшка грамотой – тут подошла очередь и Анну учить, букварь она уже читала.

Потом в нежные пальчики вложили хорошо отточенное перо, и царевны принялись мариать бумагу, осваивая азы правописания. Но этого мало, писать надо было уметь красиво. Наука каллиграфия была тогда в большом почете. Для улучшения почерка девочкам приходилось копировать прописи с краткими двустичиями нравственного и религиозного содержания. Не забывали и читать. Теперь это были куда более сложные, чем букварь, книги. Самым важным чтением была, конечно, Библия – Новый завет, читали и светскую литературу. Насколько девочки любили это занятие, мы не знаем.

Когда дочери достаточно подросли, во дворец был приглашен учитель-гувернер. Это был немец Иоганн-Христофор-Дитрих Остерман. Он должен был учить царевен языку, а также основам истории и географии.

Сейчас уже не разберешь, чему и как выучил Иоганн своих воспитанниц. Главным достоинством учителя являлось то, что он был старшим братом знаменитого впоследствии политического деятеля и кабинет-министра Андрея Ивановича Остермана. Вот анекдот, или просто забавная история того времени: педагог Иоганн представил своего младшего брата царице Прасковье. «Как тебя зовут?» – спросила она. – «Генрих, – ответил младший Остерман, – сын Ивана». – «Итак, – сказала Прасковья Федоровна, – по-нашему ты должен называться Андреем Ивановичем».

Младший Остерман был великолепным политиком. Умный, ловкий и дальновидный, он пережил четырех правителей и только с восшествием на престол Елизаветы потерял власть и попал в ссылку. Учитель Иоганн не сделал никакой карьеры. Приведем по этому поводу замечание современника: «Старший Остерман был величайший глупец, что не мешало ему, однако, считать себя человеком с большими способностями, вследствие чего он всегда говорил загадками». Однако царевны впоследствии бодро болтали по-немецки. И на том спасибо.

Теперь был нужен француз, и таковой нашелся в 1703 году – Стефан Рамбурх. Помимо французского языка он должен был преподавать царевнам «танцевальное искусство и поступь немецких учтивств». Бедный француз очень старался. Беда только, что, судя по его «просительным письмам», он не был силен в родном языке и грамматике. А что касается «учтивств», да еще немецких, откуда он вообще мог их знать?

Преподавал он в доме Прасковьи Федоровны пять лет. Его взяли учительствовать, пообещав платить 300 рублей в год. Поручителем выступил Иоганн Остерман. В итоге бедному Рамбурху почему-то так и не заплатили ни копейки. Случилось так, что письма его

сохранились и попали в руки к историкам: он бил челом и в приказы, и царице Прасковье Федоровне, и дочерям ее, когда те уже подросли и даже успели выйти замуж. Безрезультатно. И только когда царица Прасковья Федоровна испустила дух, то есть пятнадцать лет спустя, учитель Рамбурх получил обещанные деньги. Царь Петр рассчитался сполна, заплатил 1500 рублей, чтобы француз мог вернуться в отечество.

Но осчастливленный Рамбурх не успокоился. Он принялся писать новые челобитные, требуя на этот раз чина. Ведь он обучал их высочества «зачалу и основанию французского языка»! А теперь он вернется на родину, у него два сына, без чина ему трудно будет обучить их всем наукам, чтобы они «с своим возвращением в Россию возмogli бы достойно явиться в службу и с пользой могли бы быть употреблены».

А сам-то он, учитель Рамбурх, был «употреблен с пользой»? Ни одна из царевен не умела писать по-французски, разговаривали они на этом языке с трудом и неохотно, а танцевала всласть одна Катюшка. Анна имела поступь тяжелую и вообще была нелюбезного нрава, Прасковья по слабости больше сидела в креслах, а свет-Катюшка была в центре внимания. Не обучай ее Рамбурх немецкой учтивости и танцеванию, она бы и без него порхала по паркету. Веселая, ловкая, и ранняя полнота ей не мешала.

Мы можем описать и первый бал, на который попала Екатерина. Ей четырнадцать. Впрочем, на свадьбу в Немецкой слободе взяли и Анну и Прасковью, хоть последней было всего десять лет. Женили одного из приближенных царя Петра. Празднество происходило в доме Лефорта – великолепном дворце в итальянском вкусе с богатыми, по-европейски украшенными покоем, огромной залой, сонмом огней и несмолкаемой музыкой. Свадьба праздновалась два дня. В первый день, соблюдая видимость обычая, мужчины и женщины веселились отдельно, но во второй, по новым правилам, дамы обрядились в немецкое платье. Был роскошный стол, винопитие и танцы. Конечно, царевна Катюшка блеснула на этом балу. Про строгую и сдержанную царевну Анну и болезненную Прасковью мы ничего не знаем.

Но веселая измайловская жизнь подходила к концу.

* * *

Однажды царь Петр пригласил Прасковью Федоровну с дочками на жительство в свою новую северную столицу. Оговоримся сразу: о том, что поселение на болотах и топях есть будущая столица, еще известно не было. Петру нужен был выход к морю. Он отвоевал у шведов исконно русские земли в устье Невы и, желая закрепиться здесь навечно, заложил на острове Янисаари, по-русски Заячьем, крепость. Легенда повествует, что 16 мая 1703 года царь собственноручно вспорол дерн штыком, уложил куски земли крестообразно и произнес: «Здесь будет город!» В вырытую канаву Петр опустил ларец с мощами св. апостола Андрея, засыпал ее, а сверху холма положил камень. Камень этот был окроплен святой водой и получил благословение.

Построенное за пять лет поселение никак нельзя было назвать городом. Никто не мог предсказать и судьбу его. Еще не состоялась Полтавская баталия, и Карл XII говорил с издевкой: «Пусть царь изматывает себя строительством нового города, мы позднее покроем себя славой, взяв этот город».

Крепость начали строить из дерева, потом из кирпича. Гранитная облицовка появилась только при Екатерине II. Первым жилым строением был домик Петра «в голландском стиле». Дом был построен из бревен, но раскрашен под кирпич. Рядом теснились избы и мазанковые хижины, в которых ютились солдаты, офицеры и гражданское население. Потом появился относительно большой по размерам дом генерал-губернатора Меншикова. В нем устраивали праздники и принимали иностранных послов.

В 1705 году на берегах Невы появился архитектор Доменико Трезини. Он стал «обербаудиректором» всего города. Трезини был замечательным зодчим. Мало того что он построил самые значительные здания этого периода, он еще разработал и пустил в жизнь типовые проекты жилых домов трех видов: для богатых, для жителей средней руки и простые мазанки для «подлых».

Но куда больше чем жилье Петра интересовала судоверфь. В 1705 году было заложено здание Адмиралтейства. Петроградская сторона уже напоминала городской квартал. К тому времени было построено около ста пятидесяти больших зданий, но еще не было ни монастыря Александра Невского, ни Невского проспекта.

Жизнь в городе была ключом, но она была не просто трудной, а нечеловеческой. Город строили в буквальном смысле слова на костях. Финны, пленные шведы, карелы, эстонцы и русские крестьяне работали днем и ночью, зимой и летом. Условия труда были чудовищными. Не было лопат, рыли пальцами, а землю переносили в полах драного платья. И все с криком – быстрее, быстрее! Там и здесь вспыхивали пожары, поджигателей казнили. Наводнения – вечный бич этого города, вода то и дело заливала низкие острова. По улицам бегали волки. Однажды среди бела дня у дворца Меншикова они загрызли женщину. Жителей переселяли в «Санкт-Петербурх» насильно. За невыполнение приказа – конфискация имущества, ссылка, а то и смертная казнь. Москва боялась северного города пуще Сибири. И вот туда предстояло Прасковье Федоровне ехать жить.

Правительственные учреждения перебрались из Москвы в Петербург только в 1710 году, но семью Петр пригласил туда на два года раньше. Да что там «пригласил»! «1708 года марта – в день, по указу государеву, была на постельном дворе сказка: велено ехать царедворцам по домам с Москвы, а первой статье велено быть в Москве. Марта 22 день с Москвы изволили пойтить царевны, также бояре с женами», – таково было предписание.

Можно себе представить, что думала Прасковья Федоровна, собираясь в дальнюю дорогу. Скорее всего утешала себя тем, что дочки вошли в возраст, Катеньке уже шестнадцать, Анне пятнадцать. Надо думать об их будущей судьбе, а таковая целиком находится в руках всеильного царя Петра Алексеевича.

И потянулся по весеннему бездорожью длинный обоз из колымаг, повозок и подвод. В Петров городок ехали помимо измайловской семьи вдовая царица Марфа Матвеевна – супруга покойного царя Федора, царевны Наталья, Марфа и Федосья, князь Федор Юрьевич Ромодановский с супругой Настасьей (сестрой Прасковьи Федоровны), а также множество именитых сановников. Подводы со слугами были поистине бесконечными.

Надо сказать несколько слов о князе-кесаре Ромодановском. Начальник страшного Преображенского приказа, он был верным слугой Петра. Ему позволено было «жить по старине», носить привычное платье, не брить бороду. Это был истинно московский житель, но и он оставил родную вотчину, подчинившись воле царя.

Все знают про необычайную любовь царя к водной стихии. Одну из главных своих задач он видел в создании русского флота. Рассказывают, что будучи в Англии он ненароком обронил фразу: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским». Но мало создать флот, надо приучить жителей своей империи к воде. В Петербурге уже существовало принудительное для всех чиновников воскресное плавание. По царскому указу дождь не дождь, ветер не ветер, а как ударит пушка у крепости, изволь всей семьей явиться на пристань на морскую прогулку.

Путешествие москвичей было трудным, долгим, а в угоду царю кончилось и вовсе неожиданно. Петр приказал часть пути проделать водой и сам встретил флотилию в Шлиссельбурге. Это случилось 20 апреля. С Ладожского озера шел лед. Холод, дождь. Непогода не смущала государя. В Шлиссельбурге все задержались на пять дней. Он показал родствен-

никам все, что с его точки зрения было достойно внимания, а потом отбыл в Петербург для организации торжественной встречи.

Царицы, царевны и все их сопровождение приплыли в Петербург 25 апреля и были встречены пальбой из пушек и всеобщим ликованием. Гостей отвезли в губернаторский дом. Пировали широко, шумно, из дворца разъехались только за полночь. Прасковья Федоровна с дочками осталась ночевать в губернаторском дворце. И надо же было случиться такому ужасу – утром дом загорелся! В новой столице строили быстро, но плохо, деревянные строения быстро приходили в негодность. Слава Богу, спаслись из огня, но весь второй этаж выгорел, а с ним и привезенные из Москвы вещи.

Будь у царицы Прасковьи время на раздумье, она бы сочла это происшествие плохим предзнаменованием. Но времени не было. Государю не терпелось показать москвичам свой город. С утра в карету и галопом по улицам, если они уже оформились, а то и по бездорожью. Конечно, Петр свозил москвичей в Кронштадт, надо же им познакомиться с морем, настоял также, чтобы они прокатились с ним в Нарву. И что он им показывал? Крепости, конечно. В Нарве широко отпраздновали именины царя – молебны, потом фейерверки и пир горой. Москвичи буквально валились с ног. Думается, Прасковье Федоровне, равно как и дочерям ее, все это было интересно. Совсем новая жизнь, новые картинки, а будущее сулит что-то еще более захватывающее. После именин неугомонный царь отбыл в Смоленск, а царское семейство, наконец, вернулось в Петербург. Было это 25 июня 1708 года.

Царица Прасковья получила в собственность дом в Петербургской стороне, недалеко от дома Петра. Дом был тесный и более чем скромный, но выбирать не приходилось. Ближайшее окружение царя – канцлер Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафиров и прочая знать – жили в мазанковых домах. Только бы сберечься от холода и сквозняков, да чтоб крыша не протекала.

Скучной или веселой для царевен была в ту пору жизнь в северной столице, мы не знаем, скорее всего поровну, но то, что быт их был трудным, в этом не приходится сомневаться. Во-первых, в городе была страшная дороговизна. Конечно, торговля развивалась, в Петербурге было уже полно лавок, строился гостиный двор. Струги везли водой продовольствие, дрова, сено и прочие товары. К дому царицы Прасковьи тянулись обозы из ее вотчин. Но ведь все не предусмотреть. Город рос на глазах, много народу просто мерло от голода. Как тут не вспомнить привольное житье в Подмоскovie! Вторая беда – страх. Всего боялись: войны, пожаров, грабителей, наводнений, да мало ли...

Но жизнь идет вперед. Вот уже семейство царицы Прасковьи переезжает в новый дом. Перед нами замечательный памятник времени – гравюра «Панорама Петербурга» Зубова. Подпись гравера: «В Санкт Петер Бурхе Грыдоровал Алексей Зубов. 1716.» Об этой работе было много споров. Исследователи никак не могли договориться, что же именно на ней изображено: Петроградская сторона, Васильевский остров или Литейная часть. И всюду корабли, корабли...

Сопоставив панораму с другими архивными планами, рисунками и чертежами, искусствоведы смело сказали, что Зубов рисовал реальный город, что он скрупулезен и точен и что изображал он на панораме как левый, так и правый берега Невы. Слева изображена Литейная часть, то есть Московская сторона. Здесь жили самые именитые фамилии: сестра Петра Наталья Алексеевна, царевич Алексей Петрович, тогда наследник, далее идет дом вдовствующей царицы Марфы Матвеевны и, наконец, вот он – дом измайловских царевен. Документы говорят, что дом этот построен в 1710 году. Зубовская панорама единственное изображение этого жилья.

Рассмотреть его можно только при сильном увеличении. Это большое двухэтажное здание с высоким подвальным этажом и крутой кровлей. Архитектура его столь проста, что все это смахивает на детский рисунок. Никаких украшений и излишеств, посередине здания

– вход, за дверью угадывается лестница, от центральной оси поэтажно девять окон налево, девять направо, две симметричные трубы на кровле, рядом хозяйственные постройки. Можно, конечно, предположить, что художник по небрежности упростил вид здания, – ан нет, соседствующие с ним строения более замысловаты, хотя и меньше по размеру. Это значит, что Прасковье Федоровне удалось достойно разместить и трех своих дочерей, и приживалок, и дворню, и карлов со странницами и юродивыми.

Наверное, именно в этот дом явился посыльный, дабы сообщить царскую волю – первый жених найден. Далее наше повествование разольется как бы на два русла. Пришла пора говорить о каждой из царевен отдельно.

Великая княжна Анна Иоанновна

Жених для Анны Иоанновны сыскался за границей – это племянник короля Прусского молодой герцог Курляндский Фридрих Вильгельм. По обычаю, первой должна была выйти замуж старшая дочь. Почему выбор остановился на Анне – неизвестно, но можно предположить, что чем-то Фридрих Вильгельм не устроил Прасковью Федоровну, может, внешность невзрачна, может, государство маловато. Видимо, она решила подождать, когда Катюшке подыщут более презентабельного жениха. А царю было все равно – Анна или Екатерина, он решал свои государственные дела.

Здесь следует объяснить, какие именно дела царь решал. Несколько исторических сведений. Во-первых, что это за Курляндия такая? А это область Латвии к юго-западу от реки Даугава – ее левый берег. Исторически эти земли входили в состав Ливонского ордена. После его распада великий магистр ордена Готхард фон Кетлер признал протекторат над Ливонией польского короля. Это было в 1559 году. Курляндию магистр удержал за собой, и далее Курляндией правили Кетлеры. Столицей новой Курляндии сделалась Митава.

Шведы вторглись в Курляндию при дедушке нашего юного жениха – Якобе Кетлере. Сын Якоба – Казимир – правил шестнадцать лет, жил очень широко, роскошествовал сверх меры и вынужден был заложить часть герцогских земель. После смерти Казимира трон перешел к пятилетнему сыну Фридриху Вильгельму при опекунстве дяди его Фердинанда Кетлера.

С началом Северной войны Курляндия стала настоящим плацдармом. Она переходила из рук в руки то шведам, то русским. После Полтавской битвы, состоявшейся 27 июня 1709 года, Карл XII и Мазепа бежали в Турцию. Но война со Швецией продолжалась. Петр поспешил к Балтийскому морю. Дела на северном фронте тоже шли успешно. Курляндию занял фельдмаршал Шереметьев. В июне 1709 года сдался Выборг: «была устроена крепкая подушка Петербургу», как сказал Петр. В этом же году Шереметьев осадил Ригу, и она сдалась в июле 1710 года. Природные ливляндцы присягнули на верность царю, но за ними остались их привилегии и вольности.

В августе 1710 года русским сдался Пернау, а в сентябре – Ревель. Курляндия была полностью оккупирована русскими войсками, но Петр опасался, что Пруссия по-родственному захочет распространить в Митаве свое влияние. Формально Курляндия находилась под протекторатом Польши, но картина на военном театре была такова, что мнение короля Августа в данный момент никого не интересовало. Словом, России надо было закрепиться в Курляндии, этого можно было достичь, например, женитьбой на русской царевне. А может быть, Петр хотел этим браком упрочить добрые отношения с Пруссией, своей союзницей. Дипломатия тонкая вещь.

Переговоры о браке начались еще в октябре 1709 года. Петр был в Мариенвердене, там потолковал с королем Прусским. Герцогу оставалось только посвататься, что он и сделал. Потом написал царю проникновенное письмо. «Ваше Величество возымели над мной милость меня сыном восприятии; того ради ублажаюся вашею отеческой милостивой опекою о благосостоянии моем, во всем, а особливо в том, что благодумное любочестие возымеете очищением скоро последующим моих предков и прав...» и т. д. Нет сил продолжать, очень витиевато писали в XVIII веке. Вернее, переводчик был витиеват. Понятно, что герцог писал по-немецки.

Оставалось заключить брачный договор. Жених выставил свои требования. Главным условием договора был вывод из Курляндии русских войск. Также юный герцог требовал учредить комиссию для исследования обид, нанесенных русскими курляндцам. Кроме того, Россия должна была дать обязательство не вводить туда войска впредь, не взимать контри-

буции, разрешить Курляндии нейтралитет в случае возникновения будущих войн. Ну а что касается приданого, то жених просил 200 тысяч рублей.

Петр согласился на эти условия, но денежное приданое обязался выдать по частям. Царь был скромным в быту человеком и деньги считать умел. Жена штопала ему носки, туфли он снашивал до дыр. После своей смерти он оставил в казне семь миллионов рублей – бешеная сумма по тем временам. Приговор герцогу был таков: 50 тысяч будут выданы сразу после заключения договора, еще 50 в день брака. А остальные будут выплачены после, но «в скорейшем времени». Деньги эти были выплачены с особой оговоркою. Причем из 200 тысяч собственно приданым были только 40, а 160 давались в долг на выкуп заложенных герцогом Казимиром земель.

Кроме того, жена герцога Курляндского должна была иметь в Митаве собственную православную церковь и свой двор. Рожденные в браке сыновья будут воспитываться в лютеранской вере, дочери – в православной греческой. Если герцог умрет, не оставив потомства, вдова должна была получить в собственность замок и содержание из расчета 40 тысяч рублей в год.

Договорились наконец. Бумаги были подписаны 10 июля 1710 года. Теперь жених и невеста могли обмениваться письмами. Вот где пригодился Анне немецкий язык. «Из любезнейшего письма Вашего Высочества я с особым удовольствием узнала об имеющемся быть, по воле Всевышнего и их царских величеств, моих милостивейших родственников, о браке нашем. При сем не могу не удостоверить Ваше Высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать ваше объяснение в любви ко мне. Со своей стороны уверяю Ваше Высочество совершенно в тех чувствах, что при первом сердечно желаемом, с Божьей помощью счастливым личном свидании предоставляю себе повторить лично, оставаясь между тем, светлейший герцог, Вашего Высочества покорнейшею служуницею».

Наверняка мать отредактировала это письмо и внесла в него соответствующие поправки, но сквозь обязательную шелуху этикета и подхалимажа проглядывает и подлинное волнение невесты. И хочется думать, что ей удалось на словах сообщить жениху о своих надеждах и получить от него явно выраженное благорасположение.

Герцог в сопровождении фельдмаршала Шереметьева прибыл в Петербург в августе 1710 года и был принят царем в буквальном смысле слова с распростертыми объятиями. Царская семья уже считала его родственником. Приезд его отмечался очень широко – знай наших! Петр не поскупился: пирам, балам, пикникам и всевозможным празднествам не было конца. И все время пили. Петр и сам любил это занятие, но себя держал. Зато придворные его должны были напиваться до скотского состояния. Бахуса надо было уважать! Небо сотрясилось от бесконечной пальбы и фейерверков. Каждый тост сопровождался 11 пушечными выстрелами. Где-то здесь среди веселящихся людей затерялась наша невеста. О чем и как она говорила с женихом, мы не знаем.

В сентябре в честь приезда герцога были произведены флотские маневры.

И наконец – свадьба. О ней возвестили заранее с большими церемониями. «Юрнал» пишет об этом событии 31 октября 1710 года чрезвычайно подробно.

С чего начать? Невеста была в бархатном белом платье-robe и длинной красной мантии, подбитой белым горностаем. Удивительно, как любили шкурку этого зверька европейские монаршие дворы. Голову Анны украшала богатая королевская корона.

Надо бы подробнее описать внешность невесты. Принцесса должна быть прекрасной, а историки упорно отказывают Анне Иоанновне в красоте. Но сохранилось описание ее наружности в бытность ее царицей. Она вошла на трон в возрасте 37 лет, по тем временам уже старуха, она была тучной, со следами оспы на лице, смуглой. Московские остряки называли ее «царицей пристрашного зраку». Но есть и доброжелательные отзывы.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Анны Иоанновны

Пишут, что она была высока ростом, на голову выше иных мужчин из свиты, что была статна и величественна, имела красивые глаза, но черты лица у нее были грубые. Одни руки были хороши и тонки. Еще пишут, что у нее была очень хорошая улыбка. Она очень украшала Анну, и та знала об этом. Известно также, что царица была приятной собеседницей, хорошо говорила, ценила правильную русскую речь. Леди Рендо, жена английского посланника, вообще находила царицу обаятельной.

Отнимем двадцать лет. Нашей Анне семнадцать. Рост при ней, смуглость тоже (почему-то в XVIII веке это считалось недостатком). Тучность убираем. Если старшую, Катерину, и в юности называли толстушкой, Анну никогда. Хорошая улыбка также не может появиться в 37 лет, улыбка штука пожизненная. Глаза прекрасны, черты лица еще не огрубели. Тонкие руки застенчиво придерживают фату... У нас получается вполне симпатичная юная невеста.

Однако по порядку. События разворачивались следующим образом. 31 октября в девять часов утра государь, исполняя обязанности обер-маршала, в сопровождении свиты на шлюпках отправился в описанный нами дворец на Литейной стороне. На передней шлюпке немецкие музыканты играли в полную силу своего таланта. На второй шлюпке плыл Петр. Он

был облачен в алый кафтан с собольими отворотами, грудь его украшал орден Андрея Первозванного на голубой ленте. На голове напудренный парик, в руках большой маршальский жезл, у которого на пестрых лентах висела кисть, украшенная золотом и серебром. Красиво? Да, еще серебряная шпага на серебряной же портупее у пояса. Журнал XVIII века подробно описывал царские церемонии.

Государя встретила хозяйка Прасковья Федоровна. Невесту сопровождали сестры, царственные тетки, статс-дамы и фрейлины. После присущих встрече церемоний все направились к шлюпкам, в которых дамы разместились в соответствии с их статусом. Обер-маршал, то есть Петр, подвел к шлюпкам жениха с его свитой. Жених был в белом, затканном золотом кафтане.

Пятьдесят богато разукрашенных судов! Размещались в них долго. Наконец поплыли. Понятное дело, если свадьбу организовывал сам Петр, то без шлюпок и плавания по Неве было никак не обойтись. Плыли во дворец Меншикова, который находился на противоположном берегу Невы, на Васильевском острове.

У дворца рота преображенцев под звуки музыки отдала честь прибывшим. Венчал молодых архимандрит Феодосий Яновский. Обряд происходил в полотняной походной церкви, размещенной в самом дворце. Жениху сущность обряда объяснили на латыни.

А дальше обед. Надо ли говорить, что он был роскошен! Столы были накрыты в двух залах – в одном не разместились. В первой, главной, зале сидели новобрачные под лавровыми венками. Опустим подробное описание всех присутствующих. Царь был очень весел, один тост следовал за другим. Каждое заздравное питье сопровождалось залпом из 41 пушки. Орудия располагались на плацу, а также на яхте «Лизетта», плавающей неподалеку от дворца.

После обеда – разговоры, пиво, мужчины курили трубки, и, конечно, танцы. Веселились до трех часов ночи, после чего Прасковья Федоровна отвела Анну в спальню. Позднее государь привел туда герцога Фридриха.

Свадьбу праздновали два дня. На второй день Петр приготовил для гостей диковинку. На столах стояли два огромных пирога. До времени к ним никто не прикасался. Когда все напились и наелись, государь собственноручно вскрыл пироги, и к изумлению всех присутствующих из них выскочили две разряженные карлицы. Восторги, смех! Карлицы с самым серьезным видом раскланялись и прямо на столе исполнили в честь новобрачных менуэт. Можно себе представить, в каком состоянии находились Анна и юный Фридрих. Вечером под руководством Петра на Неве был сооружен великолепный фейерверк с аллегорическими фигурами. После окончания действия молодые уехали в собственный дом. Можно было передохнуть.

Через три дня курляндский пастор благословил новый брак, прочитал соответствующую проповедь, а в воскресенье герцог устроил ответный пир. Но на этом дело не кончилось. Петр придумал новую забаву вполне в духе времени. Он устроил потешную свадьбу карлика с карлицей. До нас дошло подробнейшее описание и этой свадьбы. Как часто ощущается нехватка важнейших документов той эпохи, а тут, пожалуйста – известно даже имя жениха – Еким Волков. На свадьбу со всей округи, и из Москвы, собрали 72 карла и карлиц. Скоморошья свадьба в мельчайших подробностях при общем хохоте повторяла обряд Анны и Фердинанда. Венчание в церкви по православному обычаю, сам Петр держал над невестой-карлицей венец, потом на шлюпках все отправились во дворец Меншикова и в тех же залах сели за обеденные столы. Присутствовало все царское семейство, свита и многочисленные гости. Вот цитата из М. И. Семевского, который в свою очередь цитирует немецкого гостя («Описание Петербурга 1710–1711 гг.»): «Трудно представить себе, какие тут были прыжки, кривляния и гримасы! Все гости, в особенности же царь, были в восторге, не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцев, хохотали до упаду. У иного

были коротенькие ножки и высокий горб, у другого большое брюхо, у третьего ноги кривые и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова. Или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо!» Постель карликов-новобрачных была устроена в опочивальне его царского величества. Государь, кажется, до конца хотел насладиться зрелищем.

Чем была эта вторая свадьба? Насмешкой, желанием показать, что брак племянницы с герцогом такой же несерьезный, как венчание карликов? Вряд ли... Шутки Петра, при всей его гениальности, были необычайно грубыми, примитивными, часто злыми.

После свадьбы молодые, предаваясь всевозможным увеселениям, еще два месяца пробыли в северной столице и, наконец, в январе 1711 года отбыли в Митаву. И тут случилось невероятное. Все произошло неожиданно и страшно. 9 января в 40 верстах от Петербурга, на мызе Дудергоф, герцог Фридрих Вильгельм Курляндский неожиданно скончался.

Ах, как не похожа реальная жизнь отпрысков царской фамилии на приключения тех сказочных принцесс и принцев, о которых мы с упоением читали в отрочестве и юности! История рассматривает их в лупу, все недостатки – и внешности, и воспитания, и характера. Эти принцы и принцессы не просто люди, они существа публичные, они и не люди вовсе, а шахматные фигуры. И уж если короли и королевы проигрывают партию, общественное мнение к ним совершенно безжалостно. О них пишут в черных или серых тонах, из всех дошедших документальных сведений выбирают заведомо негативные, а если не хватает этих сведений, то домыслият по своему усмотрению и навесят на человека ярлык, чем совсем размажут образ и смешают его с грязью.

О причинах смерти герцога Курляндского документы говорят уклончиво. Русские историки пишут просто: скончался от непомерного употребления крепких напитков, то есть с перепоя. Можно, конечно, предположить, что за пять месяцев пребывания в России герцог стал законченным алкоголиком. Но алкоголики вот так вдруг не умирают, на разрушение печени нужно время. Скорее всего дело было в алкогольном отравлении.

Поистине жаль восемнадцатилетнего герцога Курляндского. Где-то в европейских архивах хранится подробный отчет, как везли тело на родину, как тащилась в повозке за гробом молодая вдова, написано, конечно, где и когда были похороны. Русская историография об этом умалчивает. Неинтересно. Умер и умер – мальчишка, дурак, слабак! Как жестока история на расправу!

Мы мало знаем о первых годах жизни Анны Ивановны в Курляндии. Известно только, что она надеялась после траура вернуться в Россию. Петр запретил. Престол Курляндский занял бывший опекун покойного герцога – Фердинанд (последний из рода Кетлеров). Вдовствующая герцогиня Анна ему совершенно была не нужна. Оппозиция выступала и против Фердинанда, и против русской герцогини.

Еще мы знаем про Анну, что она не переносила спиртного. Видимо, ужасная смерть мужа произвела на нее сильное впечатление. Она жила в Митаве своим двором, ходила в свою православную церковь. Обещанное ей содержание во многом было фикцией. Вряд ли, конечно, герцогине приходилось считать копейки, но содержание двора требовало таких денег, что их не всегда хватало. А чтобы двор русской великой княжны и герцогини был беднее курляндского, допустить было нельзя.

30 июня 1712 года получил назначение ехать в Курляндию Петр Михайлович Бестужев-Рюмин (отец известных дипломатов Михайлы и Алексея Бестужевых, последний при Елизавете был канцлером России). Бестужев стал обер-гофмейстером двора Анны. Он ведал кассой и канцелярией герцогини, контролировал соблюдение этикета и т. п. Но главной задачей Петра Михайловича было не просто исполнение вышеупомянутой должности. Петр I послал его в Курляндию, как пишет С. М. Соловьев, «для охранения царских интересов».

Бестужев находился при Анне неотлучно и со временем сделался фактическим правителем Курляндии.

* * *

Анне было скучно и одиноко в Митаве. Она рвалась домой, в Россию. Но не тут-то было. Петр не только не позволил ей вернуться на родину, но решил расширить и тем самым укрепить в Курляндии русский двор. В апреле 1712 года царь писал в сенат: «Понеже невестка наша Прасковья Федоровна с детьми своими в скором времени поедет отселе в Курляндию и будет там жить, а понеже людей у них мало, для того отпустите к ним Михаила Салтыкова с женою, чтоб он ехал с Москвы прямо в Ригу, немешкав».

Но вдовствующая царица «мешкала» до последнего. Идея ехать за границу на житье не пришлась Прасковье Федоровне по вкусу. Благо случился повод для отсрочки. Это было весьма важное и торжественное событие – царь решил сочетаться браком со своей давней возлюбленной Екатериной Алексеевной. Венчание произошло в Петербурге в том же 1712 году в деревянной церкви Исаакия Далмацкого (предтечи Исаакиевского собора). Царица Прасковья была на той свадьбе посаженной матерью, дочери ее Екатерина и Прасковья тоже состояли в «ближайшем штате».

Потом дело об отъезде в Курляндию само собой замялось. Содержать в Митаве еще один обширный двор Прасковьи Федоровны было и накладно, и неразумно.

Царица меж тем уехала передохнуть в Москву, и туда, в родное Измайлово, наконец, приехала погостить дочь Анна. Гостевание вышло долгим (1714 год – по март 1716-го). Для Анны эта поездка была трудной. Как мы видим из письма Прасковьи Федоровны, дочь в России тяжело заболела. Насколько тяжело, мы не знаем. Не исключено, что болезнь Анны явилась отличным предлогом, чтобы дочери не возвращаться в Митаву, а матери – в нелюбимый Петербург. Боясь гнева государя, Прасковья Федоровна писала кабинет-секретарю Макарову:

«Алексей Васильевич, здравствуй на множество лет. Пожалуй донеси невестушке, царице Екатерине Алексеевне, ежели мой поход замешкается до февраля или до марта, чтоб на меня какова гнева не было от царского величества; во истинно, за великими моими печальями. А печаль у меня та, что неможет у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла каменной болезнью, о том и ты известен. А ныне лежит тяжкою болезнью горячкою; а ежели им угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты, пожалуйста, отпиши ко мне, как их воля мне быть, что мне их не прогневить. Остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года».

Вернувшись в Курляндию, Анна застала там безрадостную картину. Положение ее, как финансовое, так и политическое, стало еще более трудным. Престарелый герцог Фердинанд не хотел платить вдовствующей герцогине ежегодное содержание в 40 тысяч рублей, а потому всячески пытался лишить силы брачный контракт покойного племянника. Курляндская шляхта тоже считала, что русский двор обходится ей слишком дорого. Плелись интриги, оппозиционная партия упирала на то, что герцог Фридрих Вильгельм был только формально объявлен совершеннолетним, а на деле он не дотягивал до нужного срока. А раз наличествовал такой политический подлог, то и свадьба с ним была чистой фикцией. В конце концов Бестужев стал собирать причитающиеся Анне деньги с помощью русских драгун. Начальствовали над отрядом два курляндских комиссара. Шляхта роптала. На сеймах шли бесконечные дебаты. Образовались две партии – русская и польская.

Велись разговоры о будущем браке герцогини, но как-то вяло. А природа меж тем брала свое. Анна устала ждать женихов и нашла свое женское счастье, став любовницей своего

гофмейстера. Можно сказать иначе, чтобы было вполне в духе времени: Анна сделала Бестужева своим фаворитом.

А что? При назначении в Курляндию Бестужеву было сорок восемь лет – тридцать лет разницы. Время не оставило нам изображения Петра Михайловича Бестужева, но, судя по воспоминаниям современников, он и в пятьдесят был весьма представительен, умен, на хорошем счету у государя, а в Курляндии он стал для Анны защитником, другом и вообще самым близким человеком.

Каким образом достигло ушей царицы Прасковьи известие о любовной связи Анны с ее гофмейстером – неизвестно. Вряд ли дочь сама рассказала об этом матери, когда гостила в Измайлово. Отношения у Анны с матерью никогда не были доверительными. Что герцогиня уж точно делала, так это жаловалась на тяжелое житье в Курляндии, на скуку и, если можно так выразиться, на бедность. В этом вопросе Прасковья Федоровна была, конечно, на стороне дочери. Анна дочь русского царя, поэтому двор свой должна содержать соответственно своему положению. Вдовая царица рисковала писать с обидами и просьбами даже государю-батюшке. Вот выдержка из одного из ее посланий, которую она для убедительности снабдила пунктами:

«1. Правительствующий сенат, не получа указа именного из походу, никакого денежного вспоможения на пути моей царевны учинить не хочет, о чем прошу указу к тому сенату.

2. Из моей определенной дачи, как вам известно, бывшую мою царевну отпуская, всяческие снабдивала, и посуду серебряную с ней отпустила, а ныне мне того отпустить мочи нет.

3. Соизволили писать ко мне, что в Курляндии все ей, царевне моей, определено; а чем ей там жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о том именно не означено. Прошу о подлинном того всего себе уведомления; из вашей ли казны, или с подданных того княжества назначенные денежные доходы впредь иметь ей».

И так восемь пунктов, а последний самый примечательный: «Прошу вседоучно, по своей крайней милости и по своему слову, переменить оттуда прежнего гофмейстера, бывшего прежде при царевне моей, который весьма несносен, и тем нас не печалить; а быть на его месте впредь иному, кому вы соизволите».

Чем уж так раздражал царицу Бестужев? Можно, конечно, предположить, что ее волновали вопросы нравственного характера, и вообще, что люди скажут, и уж если так приспичило, то найди себе кого помоложе, а не старика-любогострастника. Конечно, такие соображения могли иметь место, на то она и мать, но больше всего, кажется, и письма тому свидетель, царицу Прасковью раздражала самостоятельность дочери.

Когда трон достается юной принцессе, семья всегда тут как тут. Так будет и с юной Фике (будущей Екатериной Великой). Когда ее призвали в Россию в качестве невесты наследника, мать ее, Иоганна Елизавета, приехала в Россию и тут же стала заявлять права, которые вовсе не соответствовали ее положению и уму. Курляндия не Россия, но и там есть такое понятие, как трон, дочь при нем герцогиней, а Прасковья Федоровна не кто-нибудь, а царица великого государства. В Курляндию ей ехать не хотелось, но она желала контролировать поведение дочери, хотела окружить ее своими людьми. В преклонных летах власть всегда соблазнительна. Но Анна не слушала советов матери.

Больше государю писать об отставке Бестужева Прасковья Федоровна не отважилась, но к государыне Екатерине Алексеевне с подобной просьбой обращалась неоднократно. Она уже очень давно, почти сразу, нашла правильный тон в общении с царствующей семьей.

Отношение в России к супруге Петра было, как говорят сейчас, неоднозначным. Народ ее не любил. А за что любить, если в ней нет ничего русского, она немка, да еще из прусских, а в страну попала, потому что была захвачена в плен? Верхушка общества была такого же мнения. Князь Щербатов в своих «Записках о повреждении нравов», конечно выражая

мнение большинства, пеняет Петру на его первый развод с Лопухиной. Ладно, Василий III развелся с бездетной Соломонией Сабуровой. Он по делу развелся, и церковь развод одобрила. Но Лопухина родила царю наследника – царевича Алексея. Мало того, что она многие годы была собственностью Шереметьева, потом Меншикова, и только после них стала возлюбленной Петра, так еще, кажется, у нее кто-то есть на стороне. То есть здесь все против закона и не по обычаю.

Прасковья Федоровна всего этого словно и не замечала. Умная женщина всегда была почтительна с Екатериной Алексеевной, вела себя с ней как ближайшая родственница, не уставала поздравлять со всеми праздниками и писала ей очень занятные, уважительные письма. Екатерина отвечала ей с полным благоволением: «...Об отправлении в Курляндию дочери Вашей, ее высочества царевны Анны Иоанновны, от Его царского Величества уже довольно писано к светлейшему князю Александру Даниловичу, и надеюсь я, что он для того пути деньгами и сервизом, конечно, снабдит, ибо его светлости о том указ послан. И когда, бог даст, Ее Высочество в Курляндию прибудет, тогда не надобно Вашему Величеству о том мыслить, чтоб на Вашем коште Ее Высочеству, дочери Вашей там себя содержать» и т. д. и т. п. Но приговор по Бестужеву был всегда один: «Что же о Бестужеве, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дела в Курляндию определен, чтоб ему быть только при дворе Вашей дочери, царевны Анны Иоанновны, но для других многих Его царского Величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только Вашего дела, то другие дела станут, и то Его Величеству зело будет противно».

Трудно понять глубинную ненависть царицы Прасковьи к Бестужеву. Видимо, здесь имеет место не только забота о нравственности дочери, но и личная неприязнь. Недаром Екатерина Алексеевна пишет в том же письме про Бестужева: «И зело я тому удивляюсь, что Ваше Величество так долго гневство на нем имеете, ибо он зело о том печалится, но оправдание себе просит, что он, конечно, учинил то не с умыслу, но остерегая честь детей Ваших. В чем на него гнев имеете?» Что учинил обер-гофмейстер? О какой чести идет речь? Неизвестно. История – потемки.

Будь Анна замужней, эти сплетни потеряли бы смысл. Разговоры о новом браке Анны велись не один раз. Она осталась вдовой в восемнадцать лет и, конечно, мечтала о семье и детях. Петр I меньше всего думал о счастье племянницы, но политические дела требовали активности в этом вопросе. Так что в том числе и самому Бестужеву пришлось искать Анне жениха.

И он появился. В 1717 году царь Петр договорился с польским королем Августом о браке Анны с герцогом Саксен-Вейсенфельдским Иоанном. Однако Август выставил довольно жесткие условия. Задача Бестужева была обеспечить в Курляндии избрание Иоанна в герцоги. Бестужев действовал очень активно, но идея этого брака с самого начала была обречена на провал, ибо Россия хотела прибрать Курляндию к своим рукам.

В мае 1718 года опять встал вопрос о сватовстве Анны. На этот раз в женихи предлагался племянник прусского короля маркграф бранденбург-шведский Фридрих Вильгельм. То же имя, что и у покойного мужа. И вот ведь насмешка судьбы – сватовство опять разладилось! Король польский восстал категорически против этого брака.

Да Петр и не очень настаивал. Сейчас его занимали другие, куда более важные дела, чем сватовство курляндской племянницы. Весь 1718 год царь был занят разоблачением заговора, к которому имел отношение его сын и наследник Алексей. Расскажем в нескольких словах о драматической судьбе первого сына Петра Великого. Алексея обманом принудили вернуться на родину. Здесь он подписал отречение от престола, признавая законным наследником трехлетнего сводного брата Петра Петровича. А дальше началось лютое следствие. Алексей обвинялся в том, что искал за границей «защиты» и покровительства импера-

тора Священной Римской империи (Алексей и Карл VI были женаты на сестрах), что желал с помощью иностранного войска добиться, низложив отца, русского трона. Что тут правда, а что навет – неизвестно. Маловероятно, чтобы при мягком и нерешительном характере Алексея замыслил с помощью Карла VI добывать себе престол. Высокий суд из 127 человек признал Алексея достойным смертной казни. 26 июня 1718 года царевич Алексей скончался в Петропавловской крепости. Как он умер – неизвестно, это потемки истории, по одним предположениям был задушен, по другим – отравлен.

Судя по письмам, Анна была в 1718 году какое-то время в Петербурге, но потом Петр велел ей срочно вернуться в Митаву. Царице Прасковье не давала покоя старая забота. Она решила сама разобраться в курляндских делах и отправила присматривать за дочерью своего брата Василия Федоровича Салтыкова. Тот приехал в Митаву с супругой, и вскоре разразился огромный скандал.

Салтыков был женат вторым браком. Первую жену он схоронил и в 1707 году женился на княжне Александре Григорьевне Долгорукой. Брак этот был несчастливый. Салтыков приехал не только шпионить за племянницей, но, как старший в семье, учить ее нравственности и вообще уму-разуму. Человек он был грубый, самоуверенный, нрав имел бешеный, поэтому церемониться с Анной не стал.

Позднее в письме к царице Екатерине Алексеевне от 4 июля 1719 года Анна напишет (сохраняем орфографию герцогини): «Исволили вы, свет мой, ка мне приказовать, шток я отписала про Василия Федоровича. И я донашу: каторай здесь бытнастю свое, многие мне противности делал, как славами, так и публичными поступками, против моей чести, между которыми раза стри со слезами от него отошла... Он же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, шток он был, или хто другой, ево руки, на Бесутужева места. И прошу, свет мой, до таво не допустить: я от Бестужева во всем довольна, и в моих здешних делах, он очень харашо поступает». В письме Анна не пишет, что дядюшка дерзко намекал Анне на ее преступную связь и все время требовал, чтобы племянница писала прошение царю о немедленной отставке милого ее сердцу обер-гофмейстера. Анна отмалчивалась и плакала украдкой.

А меж тем сам Салтыков, как сообщает М. И. Семевский, «своей семейной жизнью являл соблазн на всю Курляндию и Польшу». За десять лет брака жена ему совершенно опротивела. Он завел любовную связь с девицей из простолюдин, своей служанкой, представлял ее в обществе как свою фаворитку. И при этом бил жену смертным боем. Если бедная Александра Григорьевна слишком ему досаждала слезами и попреками, то он морил ее голодом.

Страшная картина! Княгине Салтыковой не у кого было просить в Курляндии защиты, и, естественно, она бросилась за помощью к герцогине Анне. Неизвестно, вместе ли они сочиняли челобитную в Петербург или Александра Григорьевна самолично в один прекрасный день послала в Петербург два письма: одно государю Петру, другое – государыне.

О челобитной проведала в столице Прасковья Федоровна. Она испугалась и за себя, и за любимого брата, защитника ее и помощника, и немедленно отписала в Митаву, бросай-де все и поспешай в Петербург, дабы на месте разобраться с этим делом. Клан Долгоруковых силен, они в обиду свою Александру Григорьевну просто так не дадут. Батюшка Александры, князь Григорий Федорович, тайный советник и кавалер, обретается в Варшаве чрезвычайным и полномочным министром. Он достойный противник и может такое дело раздуть, что потом греха не оберешься.

Салтыков внял совету сестры и спешно уехал в Петербург. Жену он с собой не взял, но для острастки избил ее до бессознательного состояния. Во всем, что случилось, он видел происки Анны Ивановны. В Митаве он не может отомстить ей полной мерой, но уж в России постарается взять свое.

И как в этой ситуации могла повести себя Анна? Конечно, она забрала полумертвую женщину во дворец и поручила ее заботам лекаря. Прошло какое-то время, и Александра Григорьевна получила строгий приказ от мужа – немедленно ехать в Россию. Опять на унижение и побои? До Петербурга далеко, там страшно и люто, а до Варшавы ближе. Бедная женщина решила ехать к отцу, и Анна ее в этом поддержала.

И поехала Александра Григорьевна к батюшке, трясаясь от ужаса и собственной смелости, но в дороге смалодушничала, решила «подстраховаться» и послала мужу письмо, едет-де в Варшаву, но не по собственной воле, а по приказу отца. «Не смела я его воли преслушать. А когда изволите приказать быть – я готова. Не надеюсь я от Вашего на то гнева, понеже имела давно от Вас дозволение». Письмо это потом послужило уликой против Долгоруких в длинной бесконечной тяжбе супругов Салтыковых.

Князь в Варшаве пришел в ужас от бедственного состояния единственной дочери и громыхнул в Петербург письмом к царю: «...негодяй супруг бил безвинно... морил голодом... такие гонения терпела, что и описать невозможно... что было ее, все ограбил». Салтыков тоже ответил челобитной: мол, не бил, не морил, не грабил... Обычное дело.

Во всей этой истории нас интересуют реакция и поступки герцогини Анны. Она была напугана. Салтыков в Петербурге столько всего наговорил сестре, столько намутил, что Прасковья Федоровна перестала отвечать на письма дочери, более того, грозила ей проклятием. И таки прокляла Анну со временем – но перед смертью покаялась и простила дочь.

Гнев матери – крест тяжкий, но куда более опасна нелюбовь государя-дядюшки и супруги его. В письме Прасковья Федоровна не скрывала своей злости на Анну, но это дела родственные, а знать бы, что она наговорила при дворе. Может быть, такое, что уж и жить не стоит. Анна вполне натурально страшилась своей участи, ведь она целиком зависела от воли Петра.

Но в конце июня 1719 года Анна получила от императрицы доброжелательное письмо. Это было трудное время для Екатерины. Два месяца назад, в апреле, умер наследник Петр Петрович, любимый «шишечка». Он был горестно оплакан родителями. Россия осталась без наследника. И тем не менее царица нашла время и силы, чтобы написать племяннице. Екатерина Алексеевна интересовалась житьем герцогини Анны и между делом спрашивала о поведении Салтыкова в Митаве.

Из ответа Анны видно, какое облегчение и радость она испытала, дождавшись весточки от государыни. В ответ Анна пишет (письмо от 4 июля, мы его уже цитировали): «Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна, здравствуй, государыня моя, на многие лета вкпе с государем нашим батюшкой, дядюшкой и с государынями нашими сестрицами.

Благодарствую, матушка моя, за милость Вашу, што пожаловала исволила вспомнить меня. Не знаю, матушка моя, как мне благодарить за высокую Вашу милость; как я обрадовалась, Бог Вас, свет мой, самое так порадует. Ей, ей, дарагая моя тетушка! Я на свете ничему так не радовалась, как нынче радуюсь о милости Вашей к себе, и прошу, матушка мая, впредь меня содержать в своей неотменной милости: ей, ей, у меня кроме тебя, свет мой, нет никакой надежды! И вручаю я себя в милость твою материнскую, и надеюсь, радость моя тетушка, што не оставишь меня в своей милости и до маей смерти».

Бесконечная преамбула! Анна словно бы все кланяется, кланяется, никак не может голову поднять и начать говорить по делу. Но, наконец, собралась с духом и рассказала про все безобразия своего дяди Василия Федоровича, и как ей самой «противности делал», и как над женой измывался. Потом в тех же страстных тонах начала писать про Бестужева, которым «всем довольна» и который «в моих здешних делах очень харашо поступает». Но скоро опять возвращается к дядюшке. Салтыков, судя по письму, наговорил матери не только про Анну, но и про сестру ее Екатерину.

Вот как она пишет: «При сем прошу, матушка моя, как у самаво Бога – у вас, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую власть: попроси, свет мой, милости у дарагова государя нашева, батюшка-дядюшка, обо мне, штоб показал милость: мое супружественное дела ко окончанию привести, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих злодеев, ссорю кматушке не была. Истенна, матушка моя, донашу: неснозна, как нами ругаютца! Если бы я таперь была при матушки, чаю была бы чуть жива от их смуток: я думаю, и сестрица от них, чаю, сокрушилась. Не оставь, мой свет, сие в своей милости».

Читать эти строки смешно и странно. Понятие «грамматика» забыто – как говорим, так и пишем. Длинное это письмо можно растащить на цитаты, и каждая из них показывала бы Анну со смешной и невыгодной стороны. Но не будем забывать, что знатнейшее дворянство в России было малограмотно, со временем некоторые из них вообще забыли родной язык и изъяснялись исключительно по-французски. Собственноручное письмо Анны полно бедой, неуверенностью, обидой. «Вам, матушка мая, извесна, што у меня ничего нет, крამе што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случай позавет, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава: и втом ко мне исволте учинить, матушка моя, по высокой своей миласти, из здешних пошленных денек, а деревенскими доходами насилу магу дом и стол свой в гот содержать. Так же определен по вашему указу, Бестужев сын ко мне обар-камарам-юнкаром; живет другой год без жалованья, и просит у меня жалованья, и вы, свет мой, как исволите?»

Так и видишь, сидит Анна, льет слезы и пишет свои каракули. А ведь ей двадцать пять лет, она немецкая герцогиня и дочь русского царя. А как царю привести в порядок «супружественные дела», если он 1 мая этого года вышел в море, а в Петербург вернулся только 20 августа?

В Курляндии меж тем разгорелись нешуточные страсти. Польша принимала в этих разногласиях самое активное участие. Герцог Фердинанд был бездетным. После его смерти Курляндию можно было бы вернуть под власть Польши и разбить ее на воеводства. А здесь вдруг совсем не к месту русская герцогиня Анна. А если она вступит в новый брак и родит наследника? Тогда Курляндия будет потеряна для Польши навсегда. Следующий разговор о браке возник только в 1723 году, но и он был безрезультатным.

На сейме 1719 года произошла серьезная схватка между двумя партиями с условными названиями «русской» и «польской». Первая настаивала на герцогском управлении в Курляндии под немецким влиянием и нынешним положением дел. Вторая партия вообще не хотела герцогства. Борьба эта была столь активной, что Анне было рекомендовано до времени уехать из Митавы в Ригу и там ждать решение вопроса. Сам герцог Фердинанд тоже сбежал от греха подальше и правил Курляндией из Данцига.

Бестужев как мог боролся за то, чтобы оставить за Анной привилегии, которые принадлежали ее мужу. Задачей обер-гофмейстера было навсегда связать Курляндию с Россией. Бестужев предложил Петру свой план – выкупить на имя Анны герцогские земли, заложенные еще отцом мужа. Петр согласился. Земли выкупили за 87 370 талеров, при этом взяли их из русской казны. Для того чтобы вернуть эту сумму России, Бестужев в 1722 году сдал земли в аренду, надеясь вернуть убыток в течение шести лет.

Анна, поскольку очень нуждалась в деньгах, попросила Петра отдать земли в ее пользование. Герцог Фердинанд регулярно слал в Петербург жалобы: его-де лишили наследственных владений и не дают управлять страной. Но опасность поджидала Бестужева и Анну с другой стороны. Варшава видела, что Курляндия уплывает из ее рук, и коронный польский суд вынес свое решение. По закону закладные земли герцога не могли быть проданы иностранцам, а потому суд присудил курляндским дворянам вернуть России выкупные деньги. Легко приказать, но трудно выполнить. Дворяне не желали возвращать деньги.

Теперь для России главная задача виделась в том, чтобы раз и навсегда доказать, что Анна не иностранка, а законная герцогиня Курляндская. Лучшим доказательством в таких делах является оружие, и Петр пообещал, что если шляхта и дальше будет упорствовать и не исполнять волю герцогини Анны, то он введет в страну полк драгун.

Анна всеми силами поддерживала Бестужева. Из письма к царице мы видим, что она хлопотала за сына его Михайлу, что служил при ее дворе. Да и самому Петру Михайловичу она хотела выхлопотать чин тайного советника: «...он здесь служит, а чина никакова не имеет, что от здешних людей ему подозрительно». Хлопотала она и за дочь Бестужева – в браке княгиню Волконскую.

После казни царевича Алексея и смерти малолетнего «шишечки» Петр издал указ о престолонаследии. По этому указу наследником назначался не старший сын, как было прежде, а лицо, назначенное самим государем. При этом он взял клятвенное обещание от близких к трону людей, что они выполнят указ безоговорочно.

В мае 1724 года Петр устроил в Москве коронацию Екатерины. После Марины Мнишек это была вторая женщина на Руси, удостоенная столь высокой церемонии. На коронации присутствовала и герцогиня Курляндская Анна.

Петр Великий умер 27 января 1725 года. У царя была уремия и почечная болезнь. Умирал он тяжело и долго. И тем не менее назначить наследника он так и не успел. В результате дворцового переворота при активном содействии Меншикова на русский трон взошла Екатерина Алексеевна.

* * *

А как обстояли дела в Курляндии? У Анны Ивановны появился новый жених – Мориц, граф Саксонский, незаконный сын польского короля Августа. Мориц искал богатой невесты, и таковой ему виделась герцогиня Анна. Для того чтобы уладить дело, необходимо было согласие государыни Екатерины. Мориц собирался было ехать в Петербург, но вместо этого поехал в Курляндию, чтобы лично засвидетельствовать Анне свое почтение. «Моя наружностью понравилась», – писал Мориц из Митавы, имея в виду не только Анну, но и Бестужева, и курляндское дворянство.

В Петербурге тоже не хотели видеть Морица герцогом Курляндским. Тому было много причин. К Петру Бестужеву был 31 мая послан указ с объяснениями: во-первых, Мориц будет действовать в интересах короля польского, а интересы эти противны Курляндии; во-вторых, между Россией и Пруссией существует соглашение удержать Курляндию при прежних правах, и вообще, «пруссский двор будет сердиться, зачем бранденбургскому принцу предпочтен Мориц?» Покуда шли все эти разговоры, выяснилось, что Польша одумалась и теперь тоже решительно против этого брака.

Несмотря на запрет Москвы, 18 июня сейм единодушно избрал Морица. Анна тут же послала письмо к Меншикову и Остерману с просьбой убедить императрицу дать согласие на этот брак. Это было чрезвычайно наивный поступок. Положим, Анна, по простоте своей, не разглядела интриги, но Бестужев-то был дипломат и тертый калач! Так или иначе, но он тоже не знал, что главным претендентом на Курляндию после смерти Петра выступил князь Александр Данилович Меншиков. Светлейший князь хлопотал для себя это герцогство еще в 1711 году – не вышло. А сейчас, видно, пришел срок.

Императрица же прислушивалась ко всем словам своего фаворита. Она направила в Курляндию Меншикова под предлогом осмотра войск «для предосторожности от английской и датской эскадр». Его сопровождал дипломат князь Василий Лукич Долгорукий. Он первым прибыл в Митаву. 6 июня от лица Меншикова Долгорукий призвал правительство, сеймового марала, депутатов и объявил волю императрицы: выборы Морица необходимо

признать недействительными, а герцогом курляндским следует избрать князя Меншикова. Маршал ответил, что сейм кончился, большинство депутатов разъехались по домам, а Меншикова в герцоги выбрать никак нельзя, поскольку он не немецкого происхождения и не лютеранского вероисповедания.

Очень показательно письмо Меншикова царице из Риги. Письмо длинное, не будем приводить его полностью. Вот начало: «Вашему Величеству нижайше доношу: прибыл я в Ригу 27 числа, а 28-го, уведав о моем прибытии, прибыла ко мне царица Анна Иоанновна в коляске с одной девушкой, и, не быв в городе, стала за Двиною, и прислала ко мне служителя своего, который мне объявил о прибытии Ее Высочества и просил, дабы я к Ее Высочеству приехал туда повидаться, что я, выслушав, тотчас поехал и, когда прибыл в квартиру Ее Высочества, тогда изволила принять меня благоприятным образом и, приказав всех выслать и, не вступая в дальние разговоры, начала речь о известном курляндском деле с великой слезной просьбой, чтоб в утверждении курляндским князем Морица и по ее желанию о вступлении с ним в супружество, мог я исходатайствовать у Вашего Величества милостивейшее позволение, представляя резоны: первое, что уже столько лет как вдовствует, второе, что блаженные и вечно достойные памяти государь император имел о ней попечение и уже о ее супруестве с некоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустил того некоторый случай». Это все одна фраза. Длинно, сбивчиво, но как уверенно держится Меншиков с двумя женщинами – и с императрицей, и с герцогиней!

Далее Меншиков пишет, что от имени императрицы дал герцогине достойный ответ. «Ваше Величество одного Морица для герцогства Курляндского для вредительства интересов российских и польских допустить никак не можете» – это во-первых, а во-вторых, «Ее Высочеству (то есть Анне) в супружество с ним вступать неприлично, понеже оный рожден от метрессы, а не от законной жены, что Вашему Величеству и Ее Высочеству и всему государству будет бесчестно». Вот где цинизм и двойные стандарты! Это пишет князь российский, бывший торговец пирожками, государыне с весьма туманным происхождением. Более того, Екатерина до венчания с Петром уже была замужем, мужа ее искали для развода, но так и не нашли.

Далее, судя по письму, между князем и герцогиней идет следующий диалог. Меншиков говорит, что Петр Бестужев, не взирая на указы императрицы «не так поступал и по видимому чинил фикции». Какие именно «фикции», Меншиков не говорит, но сообщает, что имеет об оном «особливый указ». Анна, прослушав этот указ, заявила, что если Морица нельзя в герцоги, то пусть уж им будет сам Меншиков, поскольку при нем она «во владении своих деревень надеется быть спокойна», а «ежели другой кто избран будет, то она не может знать, ласково ль с ней поступать будет и дабы ее не лишил вдовствующего пропитания». Далее она опять просит за Бестужева, чтобы «быть ему при ней по-прежнему». Меншиков на это, если вкратце, говорит, мол, посмотрим: «Ты с нами по-хорошему, и мы с тобой по-хорошему».

Анна отправилась в Митаву; Меншиков ехал за ней следом с большим конвоем и ночью вступил в город. На следующий день он уже грозил сейму вводом в Курляндию двадцатитысячного русского войска. Вот ведь какие страсти!

Императрицу напугала решительность Меншикова, она хотела решить дело миром. Анна тем временем приехала в Петербург, упала к монаршим ногам с жалобами и просьбой о Морице. Меншиков был отозван назад, а вместе с ним и Бестужев. Верховный совет стал «исследовать о проступках тайного советника Бестужева», а также давать оценку поведению Меншикова и князя Долгорукова (отца несчастной битой дочери Александры Салтыковой) – «все ли они тако чинили, как наши указы повелевали». Верховный совет решил, что «Бестужев не без вины», но его оставили в покое. Претензии Меншикова на курляндский трон были признаны несостоятельными.

Далее события развивались уже по шпионскому сценарию. В Митаву с тайным указом послан генерал-майор Девьер, доверенное лицо императрицы. Указ мы публикуем с некоторым сокращением, уж слишком он многоречив: «Надобно вам тайным образом разведать, кто из курляндцев желает присоединения Курляндии к Польше и кто этого не желает, кто относится доброжелательно к России и кто требует ее покровительства. Доброжелательных курляндцев обнадёжьте нашей милостью и прилежно трудитесь всякими способами им внушить, чтоб они и противную партию к себе склоняли, при этом можно раздавать подарки и денежные дачи. Также проведите, нельзя ли склонить к принятию подарков тех польских вельмож, которые назначены будут в комиссию для решения курляндского дела. Также разведайте о Морице, но чтоб это свидание происходило тайным образом».

Девьер «разведал о Морице» и дал в Россию подробный отчет (январь 1727 года). Мориц Саксонский, авантюрист европейского масштаба, совершенно задурил Девьеру голову. При упоминании в разговоре имени Екатерины I он так расчувствовался, что пустил слезу. Девьер не удержался: «Что вы плакать хотите?» Оказывается, у Морица болело сердце, что его оклеветали перед императрицей, а он клянется ей в верности и никогда не поступит «вопреки русским интересам». Но что же делать, если курляндцы любят его без памяти, «и все в честь его носят такое же платье», «и дворяне говорят меж собой в компаниях: надобно нам за него умереть».

В Петербурге не поверили Морицу. Его боялись, потому что он мог поссорить Россию с Польшей, а там и до войны недолго. Договорились до времени как бы забыть о Морице и имени его не упоминать. Меж тем отставленные женихи герцогини Анны ждали своей очереди. Бестужев поехал в Варшаву, чтобы объяснить польскому королю, что против Морица настроена и Речь Посполитая, и король Прусский. «Императрица имела зрелое рассуждение, избирала из всех принцев, кто бы не был кому противен, и особенно королевскому величеству польскому, и никого не имела найти удобнее светлейшего князя Меншикова, который ни с какими посторонними державами не имеет никаких партикулярных интересов... и никому другому государю противен быть не может». Великая наука дипломатия! Уж кто-то, но Меншиков был особенно «противен» любому из европейских королей.

Говорили, рассуждали, спорили... А между тем дни государыни Екатерины были сочтены. 10 апреля 1727 года у нее открылась горячка, 6 мая она скончалась. Императрица только-только слегла, а дворцовые интриги в борьбе за власть вошли в полную силу. Девьер был взят под стражу, пытан, потом обвинен в отравлении государыни и сослан в Сибирь. Отравителем Девьер не был, но «сказка» эта уже стала мифом. Покойная императрица любила сладости. Во дворце ее во всех комнатах стояли блюда с засахаренными фруктами. «Девьер отравил ее засахаренной грушей» – от этого вымысла Девьер не освобожден за двести с лишком лет.

Сильный противник Меншикова Толстой тоже попал в ссылку с сыном, в Соловки. Бутурлина отправили в дальние деревни. Список битых и сосланных можно продолжать. «Птенцы гнезда Петрова» после смерти своего вождя вели себя самым nepотpeбным образом.

Новым императором стал 11-летний Петр Алексеевич, внук Петра Великого. Роль опекуна до его совершеннолетия возлагалась на Верховный совет. Меншиков чувствовал себя при троне полноправным хозяином. Бестужева он вызвал в Россию, но самой Анне не позволили приехать в Петербург для поздравления императора с восшествием на престол, хотя она об этом слезно просила. Меншиков хотел подчеркнуть, что линия Петра Великого владела, а потомкам соправителя Ивана рядом с русским престолом нет места.

Бестужев был вызван в Петербург с дальним прицелом. На имя молодого императора пришел донос на польском языке, в котором Бестужев обвинялся в хищении государственных денег, превышении власти и в распутстве.

Донос этот совпал по времени с возникновением «политического дела», инициатором которого был сам Меншиков. Дело Девьера вывело его на некий «кружок». Это были люди, которые сразу сосредоточились около молодого двора в надежде подняться при юном императоре вверх по служебной лестнице. В кружок входило много народу. Душой его была княгиня Аграфена Волконская. В кружок входили также братья ее Алексей и Михайло Бестужевы. Меншиков боялся чрезмерного влияния этих людей на императора и любимую им сестру его Наталью, а потому решил кружок разорить.

Повел себя сиятельный князь, как всегда, решительно. Около дома княгини Волконской была поставлена стража, ей запретили приезжать ко двору. Настоящих улик против княгини не было, но тем не менее ей велено было ехать жить в своих деревнях безвыездно. Другие члены кружка тоже пострадали, кто-то был понижен в должности, кто-то попал в ссылку. Братья Бестужевы были за границей на дипломатических должностях, их не тронули. Отца Бестужева пока не тронула опала, но Меншиков держал его при себе. Анна писала униженные прошения к Меншикову с просьбой вернуть к себе фаворита, хотя непонятно, что она так старалась. В любовниках герцогини Анны уже ходил другой человек – Эрнст Иоганн Бирен. О нем поговорим позднее.

Мы знаем, что карьера Меншикова вскоре окончилась судом и сибирской ссылкой. 9 апреля 1728 года был издан указ, по которому князь был лишен дворянства и орденов, имущество его было конфисковано, а он сам, как простой арестант, должен был вместе с семьей отбыть на поселение в Березов.

Анна вздохнула с облегчением и тут же написала мальчику-императору верноподданническое письмо: «Я неоднократно просила, чтоб мне позволено было по моей должности Вашему Императорскому Величеству с восприятием престола российского поздравить и целовать Вашего Величества дорогие ручки, но получила на все мои письма от князя Меншикова ответ, чтоб мне не ездить. Ныне паки всепокорно Вашего Императорского Величества прошу повелеть мне для моей поездки в Петербург поставить в прибавку почтовых, как прежде давно было, лошадей».

Прибавку почтовых Анне не сделали. Место Меншикова при троне занял Андрей Иванович Остерман, а он, видимо, считал, что Анне совершенно не обязательно лично видеться с императором и докучать ему просьбами. Бестужев вернулся в Митаву, где был встречен очень прохладно. Где и когда произошел столь крутой перелом в отношениях Анны и Бестужева? Да, у герцогини был новый любовник, но и при Бироне она продолжала хлопотать о Петре Михайловиче. А потом вдруг нет.

Бестужев осознал, что лишился поддержки Анны. Лишились ее и его дети. Особенно душа Петра Михайловича болела за опальную дочь. Несмотря на уединенный образ жизни княгини Волконской, между отцом и дочерью шла активная переписка.

Когда Анна вместе с Бироном отправилась в Москву, Бестужев написал дочери подробное письмо: «Я в несносной печали, едва во мне дух держится, потому что через злых людей друг мой сердечный друг от меня отменился, а Ваш друг (Бирон. – *Авт.*) более в кредите остался. Но Вы об этом не давайте знать, Вы должны угождать и твердо поступать и служить во всем, чтоб в кредите быть и ничем нимало не раздражать, только утешать во всем и искусно смотреть, что о нас он (Бирон. – *Авт.*) говорит, не в противность ли?» Далее идут подробные указания, с кем поступать дружески, кого избегать, чьей любви искать, а от кого таиться. «Отпишите осторожно под чужим конвертом о состоянии двора Ее Высочества (Анны. – *Авт.*), отпишите, как Ее Высочество и от кого принята будет». «Вы о моей обиде не давайте знать. Как будто ничего не знаете; служите старательно и верно. Безо вся-

кой противности, хотя что и видите – молчите, только меня уведомляйте». И везде призыв: осторожнее! «Ради Бога осторожнее живите и пишите!»

Господи, что за мука так жить, без конца юлить, хитрить, ни одного шага в простоте, все игра и лицедейство! Но, видно, такова она, придворная жизнь.

Бестужевские призывы к осторожности не помогли. От дворового человека князя Волконского был написан Остерману донос на свою барыню: несмотря-де на приказ жить в деревне, она ездит в Москву и ведет тайную переписку с многими лицами, а недавно посыльный из Митавы привез письма от отца ее, а письма те зашиты в подушку.

Волконскую схватили, и 10 мая 1728 года она предстала перед собранием Верховного совета. Она призналась, да, виделась в Москве с некоторыми друзьями и родственниками. У нее потребовали объяснения некоторым непонятным местам в письмах. Как ни темнила княгиня в своих ответах, у собрания создалось впечатление, что «княгиня Волконская и ее приятели делали партии и искали при дворе Императорского Величества для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причиняли при дворе беспокойство». Кроме того, собрание обнаружило и другие, более серьезные обвинения. Словом, княгиню Волконскую отправили в дальний монастырь, а «приятелей» разослали на поселения.

Пришла очередь за Бестужевым-отцом. Его взяли в Курляндии «с опалой», бумаги его были опечатаны. Герцогиня Анна и Бирон были в это время в Москве. Им были известны некоторые подробности из дела «кружка». Бирон проведал, что в письмах Волконская иначе как «каналья» его не называла. Анна была в негодовании: эта та самая княгиня, которой она столько лет оказывала покровительство! Бестужев знал, что бывшая благодетельница не простит ему последней интриги. Недаром он писал дочери: «Они могут мне обиду сделать, хотя б она (Анна. – *Авт.*) и не хотела, да он (Бирон. – *Авт.*) не простит».

Так оно и получилось. Бирон не простил, и Анна решила наказать Бестужева за строптивость. Для этого надо было заручиться поддержкой молодого двора. Император Петр обожал охоту, и Анна всерьез обеспокоена поиском охотничьих собак. Она пишет цесаревне Наталье Алексеевне: «Доношу Вашему Высочеству, что несколько собак сыскано для Их Величества так и для Вашего Высочества, а прежде августа послать невозможно». Уже в августе Анна пишет: «О себе Вашему Высочеству нижайше доношу: в разорении и печалях своих жива». Старая песня о бедности ее двора, но теперь послышалась новая нота. Она не просто бедна, она «разорена». А кто разоритель? Вот он, Бестужев Петр Михайлович, бывший ее обер-гофмейстер! Она ему чин тайного советника исхлопотала. А он? «По необходимости моей нужде послала я моего камер-юнкера Корфа в Москву, велела донести Его Императорскому Величеству, каким образом меня разорил и расхитил Бестужев».

Читатель еще не забыл про заложенные герцогские деньги, которые русская казна выкупила за 86 тысяч с лишком талеров? Те самые земли, которые Бестужев отдал в аренду? Анна пишет, что деньги Бестужев «тайно утащил и к великому повреждению моему с собой увез... Через злую диспозицию меня обманул и в великий убыток привел через финесы свои, как обо всем от меня посланный камер-юнкер Корф обстоятельно представит и доказательно учинит». Учредили комиссию с разбирательствами. Видимо, действительно было трудно разобраться, куда эти деньги утекли, поэтому заседания комиссии длились долго.

На место Бестужева в Митаву для управления делами Петербург назначил «курляндца Рацкого». При дворе Анны он был принят плохо. Рацкий давно состоял на русской службе и честно отрабатывал свои деньги. Он докладывал в Россию Остерману, что двор Анны живет не по средствам и утопает в роскоши. Бирон состоит при ней камергером. Штат очень раздут, нравы вольные, герцогиня содержит много лишних людей и платит им высокое жалованье. Видно, герцогиня Анна жила гораздо веселее, чем писала об этом петербургскому двору.

* * *

Пришла пора объяснить, кто же такой новый возлюбленный Анны, Эрнст Иоганн Бирон. Как бы ни ругали его русские историки, личностью он был яркой, целое царское правление в России названо его именем. И время это – «бионовщина» – было мрачным. С последним не поспоришь, казней действительно было много. Но ведь это смотря с кем сравнивать. Если с Елизаветой, то все знают, дочь Петра в церкви обет дала не казнить смертью своих подданных. Но если сравнивать с правлением Петра... Анну и на трон-то выбрали из соображений, что она своим мягким правлением сгладит в памяти народа жестокости великого преобразователя.

Бирон родился 23 ноября 1690 года, то есть он был на три года старше своей благодетельницы. Подлинная фамилия Эрнста Иоганна – Бирен, но позднее ему сочинили достойную родословную, происходит-де он из старинного рода Биронов, корни которого восходят к XVI столетию. Однако наиболее правдивой является версия, по которой дед Эрнста Иоганна был всего лишь конюхом при дворе курляндского герцога, а отец с трудом дослужился до офицерского чина.

Еще в 1714 году Бирон (в 24 года) приезжал в Петербург искать места при дворе принцессы Софии – супруги царевича Алексея. Однако в должность Бирон не был принят из-за своего низкого происхождения.

Из переписки самого Бирона следует, что он учился в Кенигсбергском университете, но не окончил курс. Подвыпившие студенты затеяли на улицах города драку с городской стражей. Один из стражников был убит, и Бирон угодил под арест. В тюрьме он просидел довольно долго, поскольку городское начальство требовало уплаты штрафа в 700 талеров. Бирон ходатайствовал перед прусским двором о сложении с него штрафа или хотя бы уменьшения суммы. Ответных документов не сохранилось, но из тюрьмы его выпустили. После неудачной учебы Бирон вернулся в Курляндию и был представлен обер-гофмаршалом Бестужевым вдовствующей герцогине Анне. По словам Нейбауера, Бирона пристроил на службу у герцогини курляндский канцлер Кайзерлинг, родственник посланника барона Кайзерлинга. Бестужев-отец вначале «по-родственному» покровительствовал Бирону, поскольку сам находился в любовной связи с его сестрой.

Присутствуя на коронации Екатерины в 1724 году, Бирон сблизился с Рейнгольдом Левенвольде, ее фаворитом, и стал известен императрице как знаток в лошадях. Екатерина Алексеевна потом писала Бестужеву об отправке в Бреславль «обер-камер-юнкера Бирона или другого, который бы знал силу в лошадях и охотник к тому был и добрый человек». В феврале 1725 года Бирон в чине обер-камер-юнкера был послан в Петербург поздравить императрицу с восшествием на престол и просить о некоторых курляндских делах; Анна Иоанновна лично писала по этому поводу к князю Меншикову и Андрею Остерману, прося о содействии.

Бирон был молод, хорош собой, он сумел найти правильный подход к герцогине Анне и стал для нее совершенно незаменимым человеком. А ведь он был женат. Что касается его брака, существуют различные точки зрения. Иные историки считают, что Анна, желая прикрыть свои любовные отношения с Бироном, сама женила его на своей фрейлине Бенигне Готлиб, даже без согласия родителей. Но остались нежные письма Бирона к Бенигне, они относятся к 1724 году.

Как бы то ни было, Бенигна отлично поняла смысл этой игры и постаралась стать «неразлучным другом» герцогини, а потом и императрицы. Суть своей жизни она видела в том, чтобы сохранить положение своего мужа при Анне I. Так они и жили втроем. Анна

Ивановна, как говорили тогда, не имела «собственного стола», а потому обедала и проводила все вечера в обществе Бирона и его супруги.

Леди Рендо, супруга английского посланника в России, в своих «Письмах» пишет, что Бирон был представителен, но взгляд имел отталкивающий; Бенигна же «так испорчена оспой, что кажется узорчатой, у нее прекрасный бюст, какого я никогда не видела ни у одной женщины». Бюст в XVIII веке был неотъемлемым атрибутом подлинной красоты, того требовала мода, а оспины на лице часто просто не замечали. Оспа была так же распространена, как у нас насморк, с той только разницей, что многие умирали от этой страшной болезни.

Мы уже писали, что Анна любила охоту, знала толк в лошадях. Безусловно, всему этому ее обучил Бирон. Уже будучи императрицей, она носила одежду ярких цветов, никто не смел появляться на балу в черном – это тоже вкус ее фаворита.

Обрисуем еще несколькими мазками фигуру Бирона. Вот что пишут о нем современники уже в ту пору, когда Анна занимала русский трон:

«Бирон не отличался умом, но не был лишен здравого смысла, хотя многие и отказывали ему в этом. К нему можно по справедливости отнести пословицу, что обстоятельства создают человека: приехав в Россию, он не имел ни малейшего представления о политике, но через несколько лет коротко узнал все, что касалось государства. Он чрезвычайно любил роскошь и великолепие, в особенности лошадей». Манштейн, «Записки о России».

«Он говорит о лошадях и с лошадьми как человек, а с людьми – как лошадь». Граф Остен.

«Герцог очень тщеславен и вспыльчив, и когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Он вообще очень откровенен и не говорит того, чего у него нет на уме, и отвечает напрямик или не отвечает вовсе. Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиной его гибели». Леди Рендо, «Письма».

Хочется сказать несколько слов в его защиту. Обычная русская привычка – списывать все неприятности на окружение царя. Сам он чист, а вот ближайшие сотрудники – звери. Бирон не был садистом, не был жестоким человеком. В деле Волынского он действительно показал себя, но в лице Артемия Волынского он увидел своего соперника и расправился с ним в духе своего времени.

Он пережил Анну на тридцать два года. Был интриганом, честолюбие его не знало предела, но он, как умел, служил России: с достоинством перенес ссылку, а при Екатерине получил-таки давно желанную должность – стал герцогом Курляндским.

О том, как приглашали Анну на русский трон, написано очень много. Об этом мы тоже поговорим, но позднее. А теперь следует рассказать о судьбе старшей дочери царицы Прасковьи Федоровны, о несчастной Екатерине Ивановне, герцогине Мекленбургской.

Великая княжна Екатерина Иоанновна

Северная война России против Швеции в полном разгаре. Теперь военные действия перенесены на южный берег Балтийского моря, где большой стратегический интерес для русской армии имела Померания, а именно Мекленбургское герцогство.

Формально Мекленбург придерживался нейтралитета, но это никого не волновало. Русские и их союзники (Польша, Саксония, Дания) вели себя здесь как хозяева, брали провиант у местных жителей, останавливались у них на постой, а на все жалобы отвечали, что во всем виноваты шведы. Они наши противники, и мы имеем право преследовать их везде, включая и ваше нейтральное государство.

Во главе герцогства стоял герцог Карл Леопольд. Что такое Мекленбург – малый лоскуток Германии. А спеси! Карл Леопольд сумел переругаться не только с братом и собственным дворянством, но и со всей Европой. Вот этого человека Петр I и решил сделать своим родственником, женив его на племяннице Екатерине Ивановне.

Герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский родился в Грабове 26 сентября (9 октября) 1678 года в семье герцога Фридриха I фон Мекленбург-Шверин (1638–1688) и герцогини Кристины Вильгемины Гессен-Гомбургской (1653–1722). Он вступил на престол в 1713 году после смерти своего старшего августейшего брата герцога Фридриха Вильгельма (1675–1713). Первой супругой герцога была с 27 мая (9 июня) 1708 года принцесса София Гедвига Нассау-Фрисландская (1690–1734). Вот как пышно все это звучит!

Мы не знаем, как отнеслась царица Прасковья Федоровна к этому браку. Наверное, скорбела – дочь была ее любимицей, и отпускать ее от себя в дальние края было истинной мукой. Но всякая скорбь должна иметь предел. Средняя дочь Анна давно замужняя, живет хоть и вдовой, но имеет свой двор, а свет-Катюшка все в девках сидит. А ведь, считай, уже перестарок, двадцать четыре года.

Брак Карла Леопольда был задуман давно. Еще осенью 1714 года в Петербург явился мекленбургский посланник барон Габихсталь сватать царевну Екатерину. Петр нашел предлагаемые брачные условия вполне приемлемыми. Но вот незадача, герцог был женат! Правда, всем было известно, что Карл Леопольд не сошелся с женой характером, что они давно не живут вместе и фактически разведены. Петру Великому нужен был официальный развод.

Дело о сватовстве возобновилось два года спустя. В 1716 году в Петербург вновь прибыл барон Габихсталь с грамотой от герцога. Однако на этот раз герцога Карла Леопольда в качестве невесты интересовала другая сестра, а именно вдовствующая герцогиня Анна Курляндская. Богатые Курляндские земли были великолепным приданым. Впрочем, и от брака с Екатериной герцогу не хотелось отказываться. Император еще раньше обещал, что в случае женитьбы Карла Леопольда на княжне Екатерине, он, Петр, поможет вернуть Мекленбургскому герцогству потерянный город Висмар. Этот богатый город, принадлежащий некогда Ганзе, лежал в семи верстах от Балтийского моря и был совершенно необходим для морской торговли. По Вестфальскому мирному договору Висмар перешел к Швеции. На самом деле Петр сам бы хотел распоряжаться Висмаром – это было очень удобное место для военных складов, удобный порт и т. д.

В пересказе барона Эйхгольца (мы сошлемся на него еще не один раз) сватовство это выглядело следующим образом. Карл Леопольд колебался, кого из русских царевен взять в жены. Главным для него было заполучить в союзники могучего русского царя. Эйхголец, обер-маршал Карла Леопольда и советник его во всех делах, в разговоре заметил, что царевна Екатерина Ивановна старовата для деторождения, а ведь главная цель этого брака – родить наследника.

Чтобы прозондировать обстановку, герцог отправился в Штральзунд к дипломату и царскому любимцу Павлу Ягужинскому за советом. Разговор кончился тем, что Карл Леопольд отдал Ягужинскому обручальное кольцо и письменное заявление, что женится на той из царевен, которую сам царь Петр ему порекомендует. Ягужинский отослал заявление в Петербург.

Между тем верный своему патрону Габихсталь продолжал обивать царский порог, умоляя дать в невесты вдову. Петру не нужны были сейчас разговоры о Курляндии – с Курляндией он сам разберется. Ему нужна была Мекленбургия. Тут весьма кстати пришла бумага от Ягужинского. Петр объявил посланнику, что дело решено, а если он будет настаивать на браке с герцогиней Анной, то его сошлют в Сибирь. Габихсталь смолк. Воистину браки заключаются на небесах.

Теперь предстояло составить брачный контракт. По заключении договора герцог обязывался вступить в брак немедленно в том месте, которое будет назначено по взаимному соглашению. Свадьба должна будет обставлена с подобающим торжеством. Герцог обязывается определить на содержание жены, ее штата достойное содержание, а именно незамедлительно выплачивать по 6000 ефимков шкатульных денег в год и закрепить за ней, на случай своей кончины, замок Гистров с 25 000 ефимков ежегодного дохода. Все придворные чины должны были получать приличное содержание. Ее высочество останется православной, равно как и весь русский штат, при этом герцогиня Екатерина будет иметь православную церковь. Особо оговаривалось, что в надлежащие дни стол для ее высочества должен быть приготовлен постный.

Теперь обязанности императора. В силу свадебного договора Петр должен был снабдить царевну Екатерину Ивановну экипажами, гардеробом, посудой и прочим скарбом, кроме того, он обещал, «буде не удастся силой оружия отнять у шведов город Висмар с Барнеминдом», дать в приданое племяннице 200 000 рублей.

Еще царь Петр I Алексеевич гарантировал герцогу Мекленбург-Шверинскому и его наследникам необходимую военную помощь и защиту от внутренней оппозиции. В полное распоряжение великого герцога Карла Леопольда на время Северной войны передавались десять русских полков! Со своей стороны, русские получали право проживать в столице герцогства г. Мекленбурге, заниматься торговлей, иметь в портах пристани и склады, но главное – строить православные церкви. Отныне русские войска во время военных действий могли свободно проходить через Мекленбург и иметь здесь базы.

Свадебный договор был подписан представителями двух государств – вице-канцлером Шафировым и посланником Габихсталем. За мекленбургским посланником остался должок – грамотно оформленные документы о разводе. Габихсталь обязался в особом сепаратном артикуле предъявить эти документы до совершения брака.

Решено было, что венчание герцогской четы произойдет в городе Данциге. Туда должна была направиться целая делегация во главе с императором. Мать Прасковья Федоровна очень горевала, что по старости и нездоровью не сможет присутствовать на столь торжественном событии. А пока в Петербурге гремели балы в честь сватовства царевны Екатерины. Мать невесты тоже расщедрилась на богатый прием в честь немецкого свата Габихсталя. Всех и каждого она просила быть внимательным к любимой свет-Катюшке, которой трудно будет на чужбине.

27 января 1716 года невеста, а также государь с государыней и многочисленная свита выехали из Петербурга в Данциг. Жених приехал туда позднее, а именно 8 марта. Только здесь произошло его знакомство с невестой. До этого он ее никогда не видел. Как произошла эта встреча, мы не знаем. Безусловно, был соблюден весь этикет, но о том, была ли в женихе хоть капля искренней приветливости, хроника молчит.

Остается фантазировать нам самим. Как уже было сказано, Карл Леопольд имел не просто трудный, но скверный характер. Перед нами, как сказали бы сейчас, «гламурное» его изображение – поясной портрет. Цвета серебра парик в мелкую буклю, лицо длинное, узкое, в нем есть что-то бабье. Виной тому круглый, как сдобная булочка, подбородок. Губы тонкие, злые, взгляд беспредметный, в никуда, как у профессиональной модели. Но видно, что герцог цену себе знает.

Историки пишут о нем как о деспоте. Он сжег замок брата, со своими подданными обращался круто, возражений не терпел, сам чинил суд, на расправу был скор, и разборки кончались не только тюрьмой, но и эшафотом. При этом был скуп. Известна его любимая поговорка: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

Теперь рядом с герцогом шла по жизни наша веселая толстушка Екатерина Ивановна. Судя по тому, что о ней пишут, у княжны «полупустой стакан» всегда был «наполовину полон», то есть она была оптимисткой и при этом остроумной, с каждым находила общий язык.

После первой встречи жениха и невесты в замке бискупа Варминского, князя Потоцкого, состоялась торжественная ассамблея. Праздник был великолепным. На свадьбу съехались не только представители союзников Дании и Пруссии, но приехал и блистательный король Польский Август II. Вся Европа спешила к Петру Великому засвидетельствовать свое уважение. Надеемся, что княжне Екатерине Ивановне удалось потанцевать на той ассамблее.

Вот еще интересная и необычная подробность. Накануне первой встречи Карла Леопольда и его суженой в небе полыхнуло вдруг северное сияние, которое раскинулось от горизонта до зенита. Петр писал об этом в Москву, что хоть и «натуральное это дело, однако зело ужасно было его видеть». Прекрасное зрелище это по народному поверью предвещало неминуемую беду. Сияние было столь обширно, что и в Москве его видели. Прасковья Федоровна лоб оббила перед иконами, молясь за здоровье своей любимой дочери.

Что думала по этому поводу сама свет-Катюшка, мы не знаем. Каждая минута молодых, вплоть до самой свадьбы, была расписана. Они посещали музеи, замки, соборы и прочие достопримечательности. И это в немецкий март, солнце сияет, все зеленеет, кареты цугом, улыбки, смех, все нарядно, празднично. Вечером Екатерина Ивановна в театре, ей все было внове. Театр произвел на нее сильнейшее впечатление.

А что жених? Заинтересовались ли молодые друг другом? Мимолетные взгляды, касание рук, нежные улыбки? Эйхгольц сообщает нам, что с царем Карл Леопольд держится скромно, «почти с рабским унижением», а с невестой – вежлив, но холоден. В СССР в пору развитого социализма был обычай продавать дефицитные продукты, или вещи, или книги – «с нагрузкой». Продают вам, скажем, «Трех мушкетеров», а в нагрузку – «Сборник отчетов по партийным съездам КПСС». Екатерина Ивановна была для герцога не более чем «нагрузкой» к возвращению Висмора и прочим благам, обещанным Петром. Впрочем, с царицей Карл Леопольд тоже был «вежлив, но холоден», холоден настолько, что Эйхгольц вынужден был защитить своего патрона перед дамами: «Кажется, светлейший жених еще не довольно познакомился и от дороги не в веселом расположении духа, но это пройдет».

Но время шло, а веселья у герцога не прибавлялось. Он был вежлив, но насуплен, а потом вдруг и с самим Петром проявил строптивость. М. И. Семевский описывает забавную сцену.

«...На четвертый день вдруг возник спор: лучше ли для кавалерии колоть по-шведски или рубить по-русски? Царь был последнего мнения, а герцог придерживался первого так усердно, что спор сделался шумным, а Эйхгольца бросало в пот, как Иуду».

Возвращаясь домой, Эйхгольц сказал герцогу: «Ради Бога, ваша светлость, берегитесь! Вы имеете дело с таким государем, с которым надобно обходиться осторожно. Какое вам дело, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы приехали сюда, чтобы колоть, но иначе».

Меж тем шло активное обсуждение брачного договора. Главное было на повестке дня – содержания двора Екатерины Ивановны. Эйхгольц в своих расчетах ссылался на расходы первой жены герцога. Но русские – Головкин, Шафиров и Толстой – подняли его на смех. Княжна Екатерина Ивановна дочь русского царя, ее нужно обеспечить куда богаче, чем прежних герцогинь Мекленбургских. Ранее герцог и герцогиня имели одного духовника. Это понятно, оба были одного вероисповедания. Но русская царица, хоть дома, хоть на чужбине, не может обходиться без архимандрита. А как обряд церковный соблюдать? Для этого надобно двенадцать певчих и ни на одного человека меньше! И вольно вам было платить гофмейстерине 500 талеров. Наши дамы стоят дороже. Жалованье гофмейстерины не менее 3000 талеров, и соразмерно этой «зарплате» должны получать и придворные дамы. Эйхгольц спорил до хрипоты, но сам герцог соглашался на все требования русских министров.

На радостях царь расщедрился и предложил Карлу Леопольду 200 000 рублей серебром. Это было наследство Екатерины Ивановны от покойного отца. Сумма эта в пересчете составляла 400 000 талеров. Карл Леопольд отказался от этих денег, напомнив царю, что ему обещан Висмар. Обиженный такой расточительностью герцога, Эйхгольц писал потом: «Так у нас из-под носу ускользнули 400 тысяч талеров. Зачем было не взять этих денег в зачет за несправедливые притеснения, претерпеваемые Мекленбургским краем от российского войска? Берегитесь, ваша светлость, чтобы эти русские не пожрали целого Мекленбурга!

– Пустое, – ответил герцог, – они нам ничего не сделают. Нет народа, который довольствовался бы столь малым. Русские едят траву и пьют воду».

Хорошее же мнение было у герцога о своей невесте и о России в целом!

* * *

Бракосочетание состоялось 8 апреля 1716 года в четвертом часу пополудни. Площадь перед домом, где жил царь, была полна народу. Люди приветствовали герцога криками. Маленькая подробность: когда герцог выходил из кареты, он зацепился своим роскошным париком за гвоздик и предстал перед людьми с лысой, как коленка, головой. Верный Эйхгольц поторопился снять парик с гвоздя и нацепить Карлу Леопольду на голову. Трудная, унижительная минута. Если есть какие-нибудь приметы относительно париков, то этот эпизод явно предвещал что-то нехорошее.

А во всем остальном все прошло благополучно. На бракосочетании присутствовали государь Петр, царица, король Польский и множество знатных русских и иностранных лиц. Перед торжественной церемонией царь, как раньше выражались, наложил на герцога орден святого Андрея Первозванного. Орден этот был учрежден 17 лет назад и считался в России самым главным. Герцог Карл Леопольд Мекленбургский был четвертым европейским монархом, ставшим кавалером этого ордена.

Обряд венчания состоялся в специально построенной для этого случая часовне. Таинство совершил православный архиерей. Далее последовал широкий свадебный пир. Темное небо расцветили огни фейерверков. Следующие дни тоже были отданы обедам и увеселениям. Король Август, желая блеснуть перед Петром, устроил различного вида потехи, в частности показательную битву саксонцев с городским войском.

Молодые весело провели медовый месяц. После свадьбы они отправились в Шверин. Туда же 8 мая прибыл Петр и был торжественно встречен войсками и министрами. Царю предоставили лучшие во дворце покои, но он отказался от них, переехав в помещение, предназначенное для его камердинера. Эйхгольц высказал предположение, что царь выбирает себе для ночевки тайные места из соображений безопасности. Но это чушь. Петр сизмальства чувствовал себя комфортно в маленьких комнатках с низкими потолками.

Петр мотался по европейским городам и весям, писал приказы, торопил в военных действиях союзников. В Шверин и Росток он только изредка навещался, зато государыня Екатерина Алексеевна жила у молодой четы подолгу. Она не хотела задерживать Петра в его разъездах.

В Европе у Петра была серьезная задача, он искал дипломатические пути для заключения мира со Швецией. За этим он и взял с собой в поездку Шафирова, Толстого, Остермана и прочих своих «птенцов». Быть посредником в трудном замирении вызвалась Франция. Петр поехал в Париж. Пока царь знакомился с красотами Версаля, дипломаты сочиняли пункты мирного русско-шведского договора.

Здесь немного забежим вперед и дадим необходимые пояснения, чтобы потом не возвращаться к этой теме. Переговоры со шведами начались в 1718 году. Король Карл XII смирился с потерей балтийских владений, но неожиданная его смерть в Норвегии при Фридрихсгалле (и там он воевал!) круто изменила ситуацию. На шведский престол взошла сестра Карла – Ульрика Элеонора. Она думала ценой проволокочек как-то договориться с русскими. Не получилось. Война возобновилась с новой силой.

Все эти страсти мало касались молодого Мекленбургского двора. Герцог плел домашние интриги, занимался большой политикой и мелкой склокой, герцогиня жила делами женской половины дома. Из записок Эйхгольца мы знаем, что у герцогини Екатерины, кроме обер-гофмейстерины, были еще три фрейлины: Салтыкова, Наталья Балк и Воейкова. Все трое были красавицами. Герцог и Эйхголец решили приволокнуться за девицами, разыгралась придворная интрига, в результате которой Салтыкову отозвали в Россию.

Наталья Балк вышла впоследствии замуж за морского офицера Лопухина и в правление Елизаветы стала главной участницей драмы под названием «бабий заговор». Все перипетии этого заговора подробно описаны нами в романе «Трое из навигацкой школы» (серия «Гардемарины»). Бедную женщину подвергли публичной казни, отрезали ей язык и сослали в Сибирь.

На первый взгляд у герцога Карла Леопольда и супруги его все выглядело благополучно, живи и радуйся, но на деле было не так. Неприятности давно поджидали молодую чету, да и самого Петра. Собственно, они появились еще до свадьбы. Вся Европа была настроена против этого брака. Дипломат Куракин писал Петру из Гааги: «Женитьба герцога Мекленбургского и отдача ему Висмара противна двору английскому. Мой долг донести, что никак не должно спешить с этою женитьбой, но прежде обстоятельно узнать о разводе герцога с его первой женой. Я от многих слышу, что при цесарском (венском) дворе еще идет процесс об этом разводе; цесарский министр мне говорил, что новый брак герцога не может считаться законным и дети от него рожденные способными к наследству. Положим, что этого брака не желают из зависти, не желают, чтобы царское величество имел сообщение с империей посредством Балтийского моря, то и этого достаточно. Если все друзья царского величества завидуют и подозревают и через это нынешняя дружба может быть потеряна, дружба очень нужная при нынешних обстоятельствах, то не знаю, сможем ли мы получить столько же пользы от герцога Мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можем потерять».

Куракин прав. И Англию, и Вену, и Данию, и ганноверского министра Бернсторфа волновала судьба Висмара. И дело здесь не только в том, что все эти государства не желали возвращения торгового города и порта Мекленбургии. Европа боялась Петра, боялась, что он начнет распоряжаться там, как в собственной вотчине, а ведь Россия никогда не имела недостатка в солдатах. Мы союзники, воюем сообща со Швецией и воюем, у каждого свой интерес. Но оставь нам право распоряжаться по-своему южными берегами Балтийского моря!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.